

“ОН ЕЩЕ УСПЕЛ ПОДУМАТЬ: «МАМА! МАМА...»”

АНДЕРС

ДЕЛАМОТТ

КОНЕЦ ЛЕТА

MASTER DETECTIVE

18+

Вы держите в руках шедевр детективной литературы

LITERATURMARKT

CoRpus

Андерс де ла Мотт
Конец лета
Серия «Master Detective»
Серия «Квартет времен года», книга 1

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48408149
ISBN 978-5-17-108880-4

Аннотация

Андерс де ла Мотт, один из самых известных шведских писателей, создает свои произведения со знанием дела: бывший полицейский, бывший глава службы безопасности крупной IT-компании, он опирается в них на собственный опыт. Расследование исчезновения пятилетнего мальчика, продолжавшееся долгие годы, заканчивается неожиданным и шокирующим образом. На что можно пойти ради любви и покоя в семье? Все ли средства тут хороши? Чтобы ответить на эти вопросы, героям придется заплатить очень высокую цену.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	70
Глава 10	75
Глава 11	84
Глава 12	89
Глава 13	93
Глава 14	101
Глава 15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Андерс де ла Мотт

Конец лета

Серия «Master Detective»

Published by agreement with Salomonsson Agency

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Anders de la Motte, 2016

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2019

© ООО «Издательство Аст», 2019 Издательство CORPUS

®

* * *

Моему отцу.

Спасибо за все, чему ты пытался меня научить.

*I stood in the disenchanted field
Amid the stubble and the stones,
Amazed, while a small worm lisped to me
The song of my marrow-bones.*

*Blue poured into summer blue,
A hawk broke from his cloudless tower,
The roof of the silo blazed, and I knew
That part of my life was over.
Already the iron door of the north
Clangs open: birds, leaves, snows
Order their populations forth,
And a cruel wind blows¹.*

Стэнли Кьюниц, «Конец лета»

¹ Дрожащий тусклый небосвод, Смятенье в насквозь продутым мире Показывают, что нелюбящий год Поворачивается на шарнире. Среди стерни и валунов В лишившемся иллюзий поле Червяк мне напомнил песней без слов, Что здесь я в его роли. Рассталась высь с голубизной, Сорвался ястреб с силосной башни; Я понял: все, что случилось со мной, Теперь уже день вчерашний. Железная раскрылась дверь, Послышался с севера окрик строгий — Птицы, листья, снежинки теперь Как беженцы на дороге. Перевод с английского А. Сергеева

Пролог

Лето 1983 года

Крольчонок затаился в высокой траве. Отсыревшая шерстка блестела – уже успели наступить сумерки, и в саду выпала роса.

Вообще-то ему нельзя в сад. Мама не любит, когда он выходит из дому один, а уж в сумерках и подавно. Но он уже большой, через несколько недель ему исполнится пять лет, а сумерки – его любимое время. Скоро завозятся ночные животные. Осторожные ежи высунут носы из-под густых кустов, свернутся в траве смешными завитушками. Летучие мыши станут метаться между высоких деревьев, а из дальней каштановой аллеи, по ту сторону дома, уже и сейчас доносятся первые крики сов.

Больше всего ему хотелось поглядеть на кроликов. Иметь собственного кролика было пределом его мечтаний. Мягкого такого крольчонка – совсем как тот, в траве. Зверек чуть наморщил носик – словно унюхал мальчика, но не мог решить, опасный это запах или нет. Он шагнул к зверьку. Кролик так и лежал в траве, словно не зная, что предпринять.

До дня рождения еще два месяца. Долго ждать! Вот бы Маттиас подарил ему воздушного змея. Он видел, как старший брат часами клеил змеев в отцовской мастерской. Как

аккуратно вытачивал деревянный остов, как крепил шнур и обтягивал всю конструкцию блестящей плотной тканью, добытой из ящиков на чердаке. Старой бабушкиной одеждой, от которой мама пока не успела избавиться.

Этим летом он несколько раз видел, как Маттиас и его товарищи соревнуются, запуская змеев. Змеи Маттиаса всегда поднимались выше всех. Парили в небе над полями, как коршуны.

Кролик в траве продолжал смотреть на него, и он сделал еще шаг. Остановился: зверек приподнял голову. Наверное, приготовился бежать. Броситься к кролику, упасть на него животом, крепко схватить. Но дядя Харальд говорит – хороший охотник не должен горячиться. И он остался на месте. Стоял неподвижно и думал о будущих подарках.

От старшей сестры он хотел получить красную машину, которую видел в деревенском магазине. На боках у машины были нарисованы языки пламени, а если прокатить ее назад, а потом отпустить, то она поедет сама собой. Машина, конечно, дорогая, но Вера купит ее. Папа даст ей денег. Если она попросит. Он не знал, простила ли она его за тот случай с ястребиными яйцами; ему не хотелось об этом думать. Маттиас наверняка простил, но Маттиас же не Вера.

Крольчонок чуть опустил голову. Принялся мусолить травинку. Усы у зверька так смешно шевелились, что он уже готов был нарушить правила дяди Харальда. Но нет, надо подождать. Подождать всего минутку, пусть кролик успокоит-

ся, забудет про него.

Мама с папой, наверное, подарят ему велосипед. Он уже начал учиться на старом велосипеде Маттиаса, хотя, конечно, ему нельзя садиться на велик, если рядом нет взрослых. На днях он упал, расцарапал колено. Не сильно, но все же до крови. Он заплакал и забрался в шалаш на дереве. Дядя Харальд нашел его там и выругал. «Что скажет мама? Ты разве не понимаешь? Она же будет волноваться!»

Понимает, конечно. Мама только и делала, что волновалась из-за него. «Ты мой маленький мышонок, – говорила она. – Если с тобой что-нибудь случится, я не переживу». Потому-то он и прятался, боялся выходить. Отругав его, дядя Харальд заклеил ему колено пластырем и сказал маме, что мальчик упал на гравийной дорожке между сараем и домом. *Если бегать в деревянных башмаках, то навернуться – пара пустяков.* Дядя Харальд солгал не ради него, а ради мамы. Чтобы мама не разволновалась. И теперь ему запрещали надевать деревянные башмаки, а Маттиасу и Вере – нет. Какая несправедливость.

Вдруг крольчонок зашевелился. Прыгнул прямо к нему раз, другой, ища траву повыше. Но он не побежал к зверьку, а замер на месте. Ждал, как учил дядя Харальд.

Дядя Харальд лучший охотник в деревне и окрестностях, это всем известно. С потолка его котельной почти всегда свисали убитые звери. Фазаны, косули, зайцы – глаза пустые, тела вытянулись. У дяди Харальда грубые руки. Пахнут та-

баком, маслом, псиной и еще чем-то непонятным. Поначалу он думал, что это непонятное – опасно. Дядю Харальда многие боялись. Вера и Маттиас точно боялись, хотя Вера делала вид, что не боится. Она иногда перечила дяде Харальду, правда, слегка дрожащим голосом. Маттиас никогда с ним не спорил – только смотрел в землю и делал, как велено. Приносил дяде Харальду трубку, кормил его собак. Собаки были не из тех, с которыми можно играть. Они жили на улице, в больших загонах, и ездили в прицепе, а не в машине. Жесткая шкура, настороженные глаза беспокойно следят за малейшим движением дяди Харальда. На этой неделе он был с папой и Маттиасом в бане. Сидел там и слушал, что говорят взрослые дядьки. Когда вошел дядя Харальд, все подвинулись, даже папа. Освободили ему лучшее место в серединке. И смотрели на него, как те собаки.

Дядю Харальда не боялась только мама. Мама вообще никого не боялась – может, даже Бога. Иногда они с дядей Харальдом ругались. Он слышал, как они говорили друг другу всякие заковыристые слова, которые он не до конца понимал – понимал только, что это слова недобрые.

И все же именно на дядю Харальда он возлагал самые большие надежды. Маленький кролик, его собственный – и больше ничей, дядя обещал. Может, точно такой же, как этот, всего в паре метров от него. Если поймать, то у него будет два кролика. И дядя Харальд станет им гордиться. Его племянник – настоящий охотник!

Он выжидал уже достаточно долго и теперь осторожно шагнул вперед. Крольчонок в высокой траве продолжал жевать, не замечая, что к нему крадется охотник. Он опасливо сделал еще шаг, медленно протянул руки. Вдруг получится.

– Билли, пора домой!

Кролик поднял голову – кажется, услышал голос из дома. Повернулся и запрыгал прочь. Он ощутил, как душу щиплет разочарование. Но вот кролик остановился и оглянулся, словно не понимая, куда делся мальчик. Он заколебался. Если не прийти, мама будет волноваться. Совы теперь ухали громче, на улице зажглись фонари, отчего тени в саду сделались гуще. Кролик все смотрел на него. Казалось, он говорил: «Ты идешь или нет?»

Он сделал два шага, потом еще несколько шагов.

– Билли! – позвала мама. – Билли, домой сейчас же!

Охота началась. Кролик бежал перед ним, и если повезет по-настоящему, кролик приведет его к своей норе. К месту, полному большеглазых крольчат с мягкой шерсткой. Крольчат, которых он сможет забрать домой. Они будут жить в клетке, как обещал ему дядя Харальд.

– Билли! – Мамин зов затих где-то вдали. Крольчонок без усталости скакал вперед и, хотя на мальчике были отличные ботинки, сумел бы с легкостью умчаться прочь. Может, кролик *хотел*, чтобы он его поймал? Обнял, сделал своим.

Он пробежал за кроликом между старых узловатых яблонь. Потом дальше, в буйно разросшийся кустарник. Ему

не нравилась эта отдаленная часть сада. Прошлым летом его приятель Исак нашел в земле под густыми ветками челюсть – обломок белой кости с четырьмя пожелтевшими зубами. Дядя Харальд сказал, что дедушка там закапывал всякое старье. Сказал, что челюсть наверняка осталась от свиньи и что закапывать такое надо поглубже, чтобы лисы не нашли.

Лису он видел всего раз в жизни, когда прошлой осенью дядя Харальд, папа и другие мужчины разложили во дворе охотничью добычу. Маленькие глазки, блестящий рыжий мех, острые зубы на окровавленной морде. Рядом крутились собаки. Беспокойные, почти испуганные. Лис надо стрелять при любой возможности, сказал тогда дядя Харальд. Долг каждого охотника: увидел лису – стреляй. Потому что лисы хитрые, совсем как в сказках. Они умеют ходить, не оставляя следов.

«У них потрясающий нюх, – сказал дядя. – А еще лисы любят, как пахнут кролики и маленькие мальчики. Так что, Билли, за ограду – ни ногой!»

И дядя Харальд рассмеялся громким смехом, в этом смехе слышались и веселье, и предупреждение об опасности, и вскоре Билли уже сам смеялся. Но лисы, которые разрыли землю в саду, чтобы добраться до скелета, не шли у него из головы. Иногда они даже снились ему по ночам. Острые зубы, лапы роют землю, блестящие мокрые носы нюхают воздух. Морды повернуты к дому: лисы хотят учуять маленького мальчика.

После этого он избегал дальней части сада, даже не стал спорить, когда Исак забрал свиную челюсть себе, хотя по-честному челюсть принадлежала ему, Билли.

Но сейчас ему не помешают ни скелеты, ни лисы. Кролик прыгал у сухих кустов, а Билли бежал следом, углубляясь в заросли. Низкая ветка ухватила его за рукав, и пришлось на пару секунд остановиться. Когда он высвободился, крольчонок уже скрылся.

Мальчик помедлил, раздумывая, не повернуть ли, не возвратиться ли домой, но его переполнял охотничий азарт, побуждающий двигаться дальше. Глубже в заросли кустарника. Как сделал бы настоящий охотник.

К нему протянулись еще ветки. Зашарили шипастыми пальцами, норовя поймать за одежду. Где-то далеко впереди, в темноте, он заметил белый хвостик – или ему показалось? Может, он уже рядом с норой? От этой мысли он прибавил шагу и чуть не ударился о высокую ограду там, где кончался сад.

Он резко остановился. За оградой, в нескольких метрах от рабицы, высились заросли кормовой кукурузы. Ее еще не пора убирать. Пусть вырастет и станет совершенно желтой, говорил папа.

Сверчки трещали среди листвы, сплетали мелодии в звенящий звуковой ковер, который почти заглушал его мысли. Кролик был по ту сторону сетки. Сидел прямо под зеленой стеной кукурузы и внимательно смотрел на него. Ждал.

Забор был высоким. Может, даже выше дяди Харальда, и уж точно выше мальчика, так что не перелезешь. Охота окончена. Он никогда не увидит, где живет кролик. Но Билли даже почувствовал облегчение. Он никогда еще не заходил так далеко в сад один. От вечернего света осталась только слабая полоска на небе, и тени в зарослях – он почти не заметил, как – превратились в густую темноту.

Он решил уже вернуться домой, как вдруг кое-что заметил. Вырытый под забором лаз, по которому вполне мог бы пролезть маленький мальчик. Билли взглянул на кролика. Тот так и сидел не шевелясь.

Порыв ветра прошуршал по кукурузному полю, свистнул между ржавыми петлями рабицы и рванулся дальше, в темные кусты за спиной. Билли оглянулся, встал на колени, потом лег на живот. Осторожно прополз под бурой сеткой, выпрямился и отряхнул землю с колен и ладоней. Тело покалывало от возбуждения. Он выбрался, он за пределами сада, в первый раз – сам по себе. В понедельник он расскажет об этом Исаку. А может, Маттиасу и Вере. Расскажет, как храбро поймал собственного кролика, только пусть они маме ничего не говорят.

В кукурузе снова прошуршало, и сначала он подумал – опять ветер. И тут белый хвостик исчез среди высоких стеблей. Кролик больше не прыгал – он бежал, быстро-быстро. Уши прижаты к спине, земля летит из-под лап. Лишь когда кролик исчез из виду, Билли понял, что случилось. Чуткий

нос зверька уловил еще какой-то запах. Кого-то, кто мог про-
рыть лаз под забором. Существа с рыжим мехом и острыми
зубами – из тех, кто любит, как пахнут кролики. И малень-
кие мальчики...

Сердце забилося быстро-быстро, заколотилось, словно у
перепуганного крольчонка. Стебли кукурузы ходили над
ним ходуном, словно темные великаны, теперь они теснили
его назад, к забору. В горле комком встал плач. Краем глаза
он заметил промельк рыжего. Обернулся и в тот же миг по-
нял, что сверчки замолчали.

Он еще успел подумать: «Мама! Мама...»

Любовь моя,

*это начало нашей истории. Рассказа о тебе и обо мне.
Мои усилия сдержаться, не пустить себя к тебе, не дать
себе упасть ни к чему не привели. Я разжимаю руки в надеж-
де, что ты подхватишь меня. Подхватишь? Или мы упадем
вместе?*

*Я не надеюсь. Я хочу верить, что у нашей истории будет
хороший конец.*

Глава 1

Она – человек осени, она всегда была человеком осени. Почти всегда. Когда-то ей хотелось, чтобы лето никогда не кончалось. Чтобы свет, тепло и высокое синее небо – навсегда. Как же давно это было. В другом месте, в другой жизни.

Настенные часы показывали, что до начала встречи одиннадцать минут. До сих пор все шло хорошо. Они с Руудом намазали булочки маслом и разлили кофе по термосам. Аккуратным кругом расставили стулья на сером ковролине. Двенадцать металлических облезлых складных стульев – наверное, больше, чем надо, но зато в круге не было зияющих пустот... И еще положили на каждый стул по упаковке дешевых бумажных платочков.

Когда все было готово, Рууд отпер двойные двери, отделявшие зал от прихожей. Впустил двух участников, которые пришли раньше прочих, а вместе с ними – запах дождя и разогретого асфальта. Из всех городских запахов этот она любила больше всего. Может быть, потому, что в нем было что-то очищающее. Обещание начать все сначала. Совсем как сегодня.

Первым из тех, кого впустил Рууд, оказался мужчина между тридцатью и сорока, ее ровесник. Руки покрыты татуировками, мягкая одежда; голова кажется слишком крупной для тела. Наверное, из-за бороды. Неопрятная борода закры-

вает пол-лица, над ней – усталые глаза в красных кругах, в этом он сегодня точно будет не одинок.

Второй вошла немолодая седая женщина, почти ровесница Рууда. Волосы заплетены в косу, лежащую на спине. Глаза за стеклами очков приветливее, чем у татуированного бородача, и все же в их взглядах угадывается что-то родственное.

Рууд пригласил участников к кофейному столику, и она уже собралась было представиться, когда на нее накатило. Чувство, что она совершила огромную ошибку и что все скопом, все, все, пойдет наперекосяк.

Проклятье!

Она убежала на кухню, успела упасть на стул за секунду до того, как подогнулись ноги. Закрыть лицо руками, голову – между колен, глубокие, медленные вдохи и выдохи.

Вдох

Выдох

Вдооох

Выыыыдох

Обрывки светской болтовни Рууда просачивались через маятниковые двери. Извивались у нее в мозгу, стучали в такт пульсу в висках.

– Добирались автобусом? – *Тук, тук.*

– Да нет, на метро. – *Тук, тук.*

– А вы, Ларс, как обычно? Легко нашли место для парковки? Да, в этом квартале надо смотреть, куда ставишь машину. Охранники не дремлют. – *Тук, тук, тук.*

Теперь она слышала и другие звуки – еще несколько участников шаркали ногами по ковролину, останавливались в нерешительности, шурились на люминесцентные лампы; вот Рууд заметил их и подманил тем, на что клюют почти все: – Вон там кофе и булочки.

Шуршат шаги, похрустывают пластиковые стаканчики, отделяемые друг от друга, шипит термос-помпа. Дышать стало легче, но она все равно пока не решалась распрямиться. Смотрела вниз, на керамические плитки пола. Взгляд тянулся по шву, бежево-серому от жира и грязи. Все здесь было липким, даже воздух. Тридцать лет вонючего кухонного чада, который оставлял в глотке соленый липкий привкус.

Разговоры за дверью зажурчали громче, рождая в большом помещении слабое эхо. *Автобус, метро, парковка? Приятный дождик. Хорошо для газонов. Изумительное лето, правда? Почти как на Средиземном море. Какие планы на выходные?*

Она пожалела. Пожалела, что не взяла предложенное ей выходное пособие и не свалила. Разумный человек поступил бы именно так. Сжег бы мосты и начал все заново где-нибудь еще. Неважно где. Новый город, новый район страны. А может, вообще другая страна?

Еще не поздно.

Задняя дверь – прямо перед ней. Ключи в кармане. За дверью цементные ступеньки, несколько мусорных баков – и вот ты на улице. Чтобы сбежать, хватит нескольких минут. Но

она подписала бумаги, убедила всех, что достойна второго шанса. Убедила себя саму, что этот ее шанс – последний.

В зале заговорили еще оживленнее. Термос продолжал шипеть. Звук становился громче по мере того, как содержимое убавлялось. Разговор начал ходить кругами.

Ну что же. На погоду и правда грех жаловаться, грех...

Она выпрямилась, покосилась на заднюю дверь. Закрывает глаза. Пальцы скользнули к правому предплечью, дернули белую ткань блузки, манжета полезла к локтю. Через минуту она могла бы оказаться на мокром от дождя асфальте. На свободе. Сбежать отсюда.

Дверь распахнулась. Рууд. Присел на корточки. Коснулся ее колена.

– Вероника, все нормально?

Его рука была теплой, с отчетливыми старческими пятнами. Сколько Рууду вообще лет? Скорее около семидесяти, чем шестьдесят. Он работал здесь два десятилетия, этот свидетель всех бед, каким только можно стать свидетелем. Вполне мог бы уйти на пенсию. И все же он продолжает работать. Почему? *Ради дармового кофе*, говорил старик, а потом смеялся, тем самым избавляя себя от дальнейших расспросов. Умно. Надо и ей испытать такую уловку.

Она подняла глаза на Рууда, выдавила улыбку. Опустила рукав до запястья. Рууд думает, что она боится, и в каком-то смысле он прав. Она боялась. Но это не вся правда.

– Да, нормально. Просто пытаюсь собраться. У меня свои

ритуалы. – Она похлопала по блокноту.

– Хорошо. – Рууд подал ей руку, помог подняться. – Сколько ты проработала в последний раз? Три месяца?

Они общались уже почти неделю, но Рууд делал вид, что все еще не знает деталей ее договора с профсоюзом. Словно не его обязанность следить, чтобы она соблюдала правила.

Она снова подыграла ему.

– Два месяца, две недели и четыре дня. Я не особо считала.

– Вот оно, значит, как. – Рууд улыбнулся. – Уверяю тебя, это место не сильно отличается от твоих прежних работ.

Рууд повел ее в зал. Отпустил ее локоть, прежде чем участники успели обернуться.

Девять человек – немного меньше, чем она насчитала на пятничной встрече. Отведенные в сторону взгляды, кривые улыбки, короткие кивки-приветствия. Над людьми липкой пленкой растянулось ощущение безнадежности, оно скапливалось в углах, куда не доставал свет люминесцентных ламп, не пускало кислород в легкие...

Через силу улыбнувшись, она села на стул и раскрыла блокнот. Сердце ее билось где-то в глотке, отчего слегка мутило. Она ощущала взгляд Рууда, стоявшего у стены, но сама на него не смотрела. Старалась не думать, почему он здесь.

Глубокий вдох. Она почувствовала, как воздух проник в грудь. Легко достиг ледяной корки.

– Здравствуйте. Меня зовут Вероника Линд, я руководи-

тель терапевтической группы, и наша цель – помочь вам пережить горе. До этого я четыре года проработала в Общественном центре на севере, но с сегодняшнего дня буду работать с вами здесь, в Сёдере.

Ее удивило, какой уверенный у нее голос. Чужой, словно голос Вероники Линд – не ее... хотя в каком-то смысле так оно и было.

– Это группа поддержки для тех, кто потерял близкого человека, любимого человека.

Все взгляды были направлены на нее. Сердце билось о лед прямо под грудной клеткой. Она представила себе, как с каждым ударом лед понемногу подается. Удар, еще удар – и вот открываются трещины и через них устремляется вверх черная вода.

– Когда мне было четырнадцать лет, я потеряла мать. Однажды вечером она набила карманы зимнего пальто камнями и вышла на лед, на озеро.

Не колебаться. Не останавливаться, не опускать глаза. Еще вдох. По груди медленно распространился холод.

– На другом берегу стоял человек. Он сказал, что мама упорно шагала по льду, хотя было слышно, как он скрипит и потрескивает. Когда человек на берегу закричал, мама остановилась, она стояла прямо посреди озера и смотрела на того мужчину. А потом вдруг исчезла.

Вероника старательно прогнала эти мысли. Представила себе, как лед снова смыкается – и над мамой, и в ее груди.

Превращается в панцирь.

Она откашлялась и осторожно взяла в руки блокнот. Никто не успел заметить, как у нее дрожат руки, — даже Рууд.

— Мама бросила нас. Бросила моего папу, старшего брата и меня, и нам пришлось справляться с этим. Я перестала злиться на нее лишь много лет спустя. Когда прекратила задавать вопросы, какие задаете себе вы.

Она пару раз сглотнула, чувствуя, как кровь наполняется чем-то более приятным, чем холодная озерная вода. Она справилась. Пожертвовала собой, и теперь пришла пора для долгожданной награды. Досчитав до десяти, она повернулась к участнице, сидевшей рядом с ней. К седой женщине с ко-сой.

— Прошу вас.

Она кивнула женщине, услышала, как та переводит дух. Очередной рассказ — новый, но такой знакомый.

Дочь, рак, до тридцати не дождала.

Черкая в блокноте, она примеряла на себя эти, отвечающие ее чувствам, воспоминания. Ручка быстро обращала скорбь в чернила. Седая заплакала. Слезы катились беззвучно, рассказ разворачивался, слезы на миг скапливались у нижнего края очков, а потом катились дальше, по щекам женщины. Еще слова.

Несправедливо, у нее вся жизнь была впереди. Мне так ее не хватает.

Договорив, седая женщина сняла очки и вытерла их деше-

вым бумажным платочком. Медленно сложила его и сунула в сумочку, словно слезы сделаны из стекла и она хочет забрать их домой. Спрятать в шкаф, как чистые жемчужины печали.

Вероника задумалась, отвлеклась, и следующий человек уже успел начать свой рассказ. Ларс, мужчина с бородой. Слов меньше, голос жестче. Она стала торопливо записывать. Вытягивать ручкой и его историю.

Жена, авария, пьяный за рулем, травма мозга, не лечили как следует, так и не восстановилась.

Здесь без слез. Только злость. Горечь. Она отметила это в блокноте. Рука теперь легче двигалась по странице.

Ненависть, фантазии о мести, навредить. Око за око... Они должны понести наказание, все до одного. Пьяница за рулем, врачи – все!

Ларс замолчал, перевел дыхание. Поначалу, казалось, ему стало легче, потом он словно устыдился. Что-то неразборчиво пробормотал и уставился на свои кулаки. Грубые, мозолистые; трещины на коже такие глубокие, что грязь и масло не вымываются. Руки папы, руки дяди Харальда. Ее собственные руки были гладкими и мягкими. Длинные пальцы созданы для того, чтобы ловко держать ручку. Пишущие руки. Мамины руки. Она прогнала эти мысли и кивком попросила следующего участника начинать свой рассказ.

Слова текли по часовой стрелке, сопровождаемые всхлипами, слезами, шуршанием бумажных платочков. Ручка летала по бумаге все быстрее – совсем как пульс, который без

устали закачивал дофамины в кровь.

Трагедия, наша семья так после нее и не оправилась. Так и не оправилась.

Минутная стрелка описывала круг на пожелтевшем циферблате стенных часов. Каждые пять минут острие зависало на одном месте, а потом с громким щелчком высвобождалось.

Отзвучали все истории. Внизу последней страницы она косыми буквами написала слово, которое повторяли все участники группы. Вопрос, висевший в воздухе. Они не смогли бы ответить на него, сколько бы ни рассказывали о своем горе.

Почему?

Вероника подчеркнула его и обводила буквы и вопросительный знак до тех пор, пока ручка не порвала бумагу. Она не останавливалась, пока минутная стрелка на часах не щелкнула в последний раз, показывая, что время вышло.

Огромное облегчение смешалось с эндорфинами в ее мозгу. Левая рука снова потянулась к правому предплечью, рассеянно царапнула ткань блузки и длинный шрам, скрытый под рукавом.

«Уже все? – подумала она. А потом: – Но мне этого мало, мало...»

Глава 2

Лето 1983 года

Это и правда был добрый дождь. Не ливень с грозой, прибывающий зрелые колосья к земле, а мягкий дождик: тихонько намочил землю и на рассвете кончился, так что колосья и листья высохли уже к обеду. Урожайный дождь, как говорили деревенские. Хороший дождь; каждую вторую ночь ему радовались шеф полицейского участка Кристер Монсон и люди, жившие рядом с ним, возле хутора Баккагорден.

Монсон сдвинул фуражку назад и тыльной стороной ладони провел по лбу. Галстук он ослабил уже давно, но синяя форменная рубашка все равно липла к шее.

Ты и раньше занимался розыском без вести пропавших, твердил он себе. Во всяком случае, учился этому делу несколько лет назад, на курсах для командного состава. Тут главное — планирование, организация и руководство. Не пренебрегать никакой возможностью, пока не найдешь, что ищешь. Но сейчас, в темноте и под дождем, говорить правильные вещи было значительно проще, чем делать.

Мужчины поставили машины с незаглушенным мотором в кружок перед домом Нильсонов. Фары освещали толпу, которая все увеличивалась. Свет фар превращал людей в силуэты с отчетливо освещенными ногами и нижней частью тела

и прозрачными, едва различимыми лицами. Неважно. Все и так узнавали друг друга. Все знали друг друга.

Монсон заметил, как они переглядываются. Он одернул мятую, тесноватую форменную куртку, которая уже готова была капитулировать перед дождем, сдвинул фуражку на место и поднял руку.

– Внимание!

Ни восклицание, ни жест не заставили голоса умолкнуть. Монсон прикинул, не взобраться ли на прицеп стоящего рядом пикапа, но рассудил, что железная крыша слишком высокая и скользкая и не след ему подвергать риску свое достоинство. Поэтому он заговорил громче и более официально.

– Прошу вашего внимания! – Результат оказался не намного лучше.

– Да заткнитесь вы, мать вашу. Монсон хочет что-то сказать. Пока вы тут языками мелете, время уходит.

Резкий голос принадлежал долговязому мужчине, который с легкостью вскочил на прицеп позади Монсона. Харальд Аронсон, дядя мальчика. Разговоры тут же стихли, толпа вокруг Монсона и машины стала плотнее.

Монсон откашлялся и благодарно кивнул Аронсону, однако ответного кивка не дождался.

– Почти все вы слышали, что случилось, и я понимаю – вы хотите как можно скорее приступить к поискам, – начал он. – Но чтобы у нас была одна и та же отправная точка, я кратко изложу все, что известно на настоящий момент.

Монсон сделал паузу, чтобы припозднившиеся подошли ближе.

– Итак, мы ищем маленького Билли Нильсона, которому около пяти лет. Его мать видела его вечером, в начале девятого. То есть он отсутствует...

Монсон взглянул на часы. Квадратные электронные часы, которые Малин подарила ему на двадцатилетие свадьбы. Назначения трех выступающих кнопок он так и не понял, а четвертая заставляла экран светиться, что в темноте было очень кстати.

– ...почти пять часов. Родственники искали в саду, в доме, в сарае и хле... в смысле – в коровнике, – быстро поправился он, – а около одиннадцати забили тревогу. Незадолго до полуночи в саду начались поиски с полицейской собакой.

Монсон широким жестом указал на дом в глубине усадьбы, и большинство собравшихся, к его удовлетворению, повернули головы.

– Собака прошла по следу до подкопа под оградой, подкоп вел на кукурузное поле в дальнем углу усадьбы. К сожалению, потом собака потеряла след – вероятно, из-за дождя или потому, что там уже побывали родители Билли и его брат с сестрой.

Он опустил руку, дождался, чтобы все снова посмотрели на него.

– Итак, предположим, что мальчик прополз под забором и заблудился среди высоких стеблей. Всем известно, что ку-

куруза вырастает почти с человеческий рост, поэтому потеряться на поле легко, тем более – в темноте. Здесь нам и нужна ваша помощь. Мы организуем четыре группы для прочесывания местности...

Закончив говорить, Монсон с облегчением увидел, что собравшиеся последовали его инструкциям. Мужчины быстро разделились на поисковые команды и покинули место сбора – пешком и на машинах, каждая группа – под руководством полицейского.

Все ревностно устремились на поиски. У большинства имелись собственные дети, и люди без труда представляли себе тот ад, в котором оказались Нильсоны. Но дело было еще и в облегчении, которое испытают жители поселка, когда маленький Билли – промокший, замерзший и напуганный, но невредимый – вернется к маме. Его же наверняка найдут. Все так думали и даже, может быть, получали некоторое удовольствие от напряжения, рассуждал про себя Монсон. Наверняка каждый надеется, что ему повезет и мальчика отыщет именно он. Человеку, который найдет Билли Нильсона, никогда больше не придется платить – ни в кабаке, ни в народном парке, за этим проследит Харальд Аронсон.

Монсон возглавлял полицию Рефтинге уже четыре года. Он с семьей переехал сюда, устав от пьяниц, психов и ночного патрулирования в Норрчёпинге. Разочарованный тем, что

на карьерной лестнице его вечно обходили более молодые и голодные полицейские. В Рефтинге, среди полей Сконе, он поуспокоился. Здесь под его началом были двенадцать полицейских и две дамы из гражданских – они отвечали на телефонные звонки, принимали заявления и выдавали лицензии на оружие.

Монсон сам вырос среди полей Эстергготланда и понимал, как устроена жизнь в таком поселке – наверняка именно поэтому он и получил свою нынешнюю должность. По опыту он знал, что в таких местах люди тяжело трудятся и стоят друг за друга горой. Они по большей части придерживаются десяти божьих заповедей, отчего статистика преступлений в Рефтинге в основном ограничивается незаконными проникновениями, браконьерством и вождением в нетрезвом виде или же вождением незаконным. Что до последних двух пунктов, то он прекрасно понимал: его подчиненные скорее отпустят, чем задержат правонарушителя. Некое молчаливое соглашение между жителями и силами правопорядка было заключено задолго до его появления. В сельской местности машина необходима. Нет машины – нет работы, а значит, нет еды на столе. А он не хотел оказаться тем, кто лишит какую-нибудь семью дохода и пропитания. Аутсайдером быть тяжело, и не только ему, но и Малин с детьми. Чтобы вписаться, чтобы тебя приняли, нужно время, особенно если твой выговор отличается от местного.

Он старался изо всех сил. Приучил себя говорить *Монн-*

сенн вместо Монсон. Сменил кофе «Гевалья» на «Сконе-руст» и научился называть второй завтрак обедом. Записал себя, детей и Малин в футбольный клуб и пунктуально посещал баню в семь часов вечера каждый четверг, чтобы пообщаться с мужиками в парной. Усилия окупились. В прошлом сезоне Малин назначили заместителем кассира в клубе, а его самого – тренером команды 14-летних подростков. А в начале весны ему даже предложили место в большой охотничьей команде. Монсон с нетерпением ждал осени. Просто дожидаться ее не мог.

Вероятно, полицейские дела и без сегодняшнего происшествия пошли бы живее, потому что сбор урожая сейчас подходит к концу и люди устали и легко раздражаются. Драки, пьянство, членовредительство, иногда, в худшем случае, – еще и нанесение побоев. Но ничего тяжелее обычно не случалось. За четыре года пребывания на посту начальника здешней полиции Монсону до сегодняшнего вечера не приходилось сталкиваться с задачей, которая требовала бы от него особого напряжения, и его это более чем устраивало. Он предпочитал держаться на заднем плане. Пить утром кофе в тишине и покое, почитывая местные газетки, «Ланд» и «Свенск якт». Ходить на собрания Союза предпринимателей, Красного креста и муниципального совета. Жечь гашиш на школьных собраниях, чтобы родители знали, как он пахнет – на случай, если какому-нибудь предприимчивому юнцу удастся притащить наркоту из Дании. Проводить в шко-

лах коммуны ежегодные Дни безопасности на дорогах. Монсон предпочитал полицейскую работу именно такого рода. Она ему хорошо удавалась.

Сейчас, когда двор Нильсонов заполнили добровольцы, его накрыло осознание того, что на него направлены все взгляды. Это чувство превратилось в кислый ком в животе, и ком этот рос по мере того, как росла толпа вокруг Монсона. Все смотрели на него, ожидая, что он положит конец кошмару, поселившемуся в семье Нильсонов.

Взгляд Монсона скользнул вверх, к большому хозяйскому дому, в котором горели, кажется, все лампы до единой. Он различил в окнах два силуэта. Дети, девочка и мальчик, ровесники его собственных. Монсон порывлся в памяти, вспоминая, как зовут брата и сестру Билли. Что их отца зовут Эббе, он знал давно. Эббе Нильсон, мягкий сдержанный человек, был тихоней из тех, кто в бане молча сидит на нижнем полке, пока кто-нибудь другой разливается соловьем. Его шурин Харальд Аронсон, например.

Мать детей, Магдалену Нильсон, урожденную Аронсон, знали, конечно, все. Первая «Мисс Горошина», черно-белая газетная фотография до сих пор висела в вестибюле администрации, хотя снимку было уже лет двадцать. Причиной этого в равной степени послужили красота Магдалены и ее фамилия. Аронсоны считались в поселке большими людьми, что едва ли упрощало нынешнюю ситуацию.

Монсон продолжал с натугой вспоминать, как зовут маль-

чика и девочку, видневшихся в окне, но, несмотря на все усилия, так и не вспомнил. Сам не зная почему, он помахал рукой, но ни один из детей не сделал ни малейшей попытки ответить ему. Они так и стояли в окне, глядя на Монсона. Ждали, что он отыщет их младшего брата. Сделает так, что все снова станет хорошо.

Глава 3

Вероника считала себя в общем и целом неплохим человеком. Она сортировала мусор, вовремя оплачивала счета и время от времени жертвовала мелочь на благотворительность.

А вот в церковь она не ходила уже много лет. Церкви вызвали у нее неприятные воспоминания. По причине тех же воспоминаний она звонила отцу всего несколько раз в месяц. Оттягивала разговор до последнего, пока нечистая совесть совсем не заест. Прежде чем отец снимет трубку, могло прозвучать гудков восемь. Затем следовали щелчок – отец снимал трубку – и несколько секунд молчания: оба, вопреки здравому смыслу, надеялись услышать на том конце не тот голос. Потом – разочарование, когда их настигала реальность, разочарование, которое обоим ни разу не удалось скрыть, разочарование, совладать с которым не могла никакая светская болтовня.

Вероника много лет не ездила домой, в Рефтинге, даже на дни рождения, крестины или похороны, хотя, конечно, должна была бы. Она знала, что обитатели поселка обращают внимание на такие вещи. Обсуждают их.

Ее это раздражало. Раздражало и то, что она, хоть и уехала из Рефтинге больше пятнадцати лет назад, до сих пор думает о нем как о доме.

Они с Руудом стояли на широких ступенях перед серой коробкой шестидесятих годов постройки – Общественным центром. Дождь кончился, и от тепла, накопившегося в асфальте, металле и бетоне, влажность в основном уже испарилась. Аромат свежести улетучился, сменившись запахом закившего мусора, объедков и выхлопных газов. Обычный выдох летнего города. Вероника на пару секунд закрыла глаза, наслаждаясь ощущением гармонии, от которого вот-вот останется только отзвук.

– Спасибо. Ну, до встречи на следующей неделе... – Седовласая прощалась так, что утвердительная фраза прозвучала, как вопрос. Словно женщина сомневалась в их будущих встречах.

Вероника кивнула, пожала женщине руку. Рука была сухой, хрупкой и напоминала лапку птенца.

– Да, до встречи.

Седая спустилась на четыре ступеньки, полуобернулась и нерешительно помахала. Потом крепче прижала сумочку с жемчужинами скорби к груди и зашагала по тротуару.

Они молча смотрели, как женщина уходит к метро.

– Ну, как, по-твоему, все прошло? – спросил Рууд, не отрывая взгляда от удалявшейся женщины.

Вероника пожала плечами.

– Нормально. – Ответ содержал равные меры лжи и правды.

– Угм. – Рууд выудил из кармана пакетик табака, сунул под верхнюю губу, прижал языком. – Ты не много задавала вопросов.

Она снова пожала плечами.

– Не хотела мешать ритму. – Она покосилась на Рууда, сожалея о своем резком тоне. Немного самокритики не помещает. В конце концов, оценивают ведь именно ее. И прибавила: – Но мне, разумеется, важна ваша точка зрения.

Рууд покривился – или просто поправил во рту пакетик табаку.

– Если ты начинаешь задавать вопросы, другие тоже отваживаются спрашивать, – объяснил он. – Очень важно сделать так, чтобы в группе завязался разговор, а не просто шли монологи один за другим. Чтобы все принимали участие. В этом смысл групповой терапии. – Рууд повернулся к ней, улыбнулся чуть неловко. – Хотя ты и без меня это знаешь. Просто немножко застоялась. Еще пара бесед – и все будет как надо.

Она кивнула, избегая смотреть ему в глаза – вдруг он поймет, насколько легче ей стало. Седая уже скрылась из виду. Затерялась среди зданий, как испуганная мышь.

– Слушай, а вот это, про твою маму, – тихо сказал Рууд. – Я не знал, что кто-то видел, как она...

– Ее пошел искать один из санитаров. – Вероника снова поразилась тому, как уверенно звучит ее голос. Что ей удалось ответить на вопрос и одновременно дать понять, что

больше вопросов она не хочет.

Однако Рууд не дал себя сбить.

– Ужасная история...

Было ясно: он хочет, чтобы она рассказывала дальше, доверилась ему, хотя они знакомы всего несколько недель. Но сегодня у нее не было никакого желания поддаваться на провокации – ни Рууда, ни кого-либо еще. Она продолжала смотреть на улицу. Рууд понял намек, отвернулся и сплюнул сквозь зубы.

Они еще постояли молча; тени от домов удлиннились. С автострады, отделенной от них одним кварталом, доносился вечерний шум машин.

– Ты справишься, Вероника, – тихо сказал Рууд. – То, что произошло прошлой весной – случайная помеха, тебе удалось ее преодолеть. Сохраняй спокойствие, сосредоточься на работе, и скоро все станет, как всегда.

Она промолчала. В каком-то смысле хорошо, что шарада, в которую они играли последнюю неделю, закончилась. Что Рууд перестал делать вид, будто не знает, почему она сменила место работы. Веронике совершенно не хотелось говорить с ним об этом. За последние месяцы она и так уже сто раз вывернулась наизнанку.

Как по-твоему, Вероника, почему ты среагировала так, как среагировала? Как ты сумеешь в будущем избежать подобной ситуации? Какие чувства ты связываешь со своими действиями?

На их улицу свернул мотоцикл. Глухо трещал мотор. Седок в джинсах и коричневой кожаной куртке. Матово-черный шлем, прозрачное забрало. Байк медленно, на минимальной скорости, проплыл мимо них. Мотоциклист повернул голову. В упор посмотрел на Веронику.

С чего бы? Внешность у нее не модельная. Правда, она спортивна, подтянута, у нее длинные ноги, а глаза и рот она унаследовала от матери, это становилось заметнее, когда она подкрашивалась и распускала волосы. Ранимость, намек на некий изъян. Удивительно, но многие мужчины считали это привлекательным. Когда Вероника была моложе, она пользовалась этим. Давно, в другом городе, в другой стране. Сейчас она сжимала губы, а голову держала высоко. Говорила мягко, но решительно, и смотрела людям в глаза. Хотя поразительно мало все же требовалось, чтобы мужчина завелся. Жест, движение головы. Иногда – просто взгляд.

Мотоциклист оглянулся на нее, еле заметно кивнул, словно они знакомы. Рууд, кажется, сделал тот же вывод.

– Знакомый? – В голосе, вроде бы игривом, она уловила сердитую нотку.

– Нет. – Она покачала головой, убеждая и его, и себя, но сердце почему-то забилось сильнее.

Вероника проследила взглядом за спиной мотоциклиста, увидела, как он уезжает. Он вдруг прибавил скорости. Мотор взревел, заставив ее вздрогнуть. Между зданиями, словно рев дикого зверя, заметалось эхо.

Мотоцикл быстро удалялся, звук затихал.

– Может, храбрости набирается? Хочет посмотреть, не опасна ли ты, прежде чем присоединяться к группе? – Рууд пихнул ее локтем, усмехнулся.

Она пихнула его в ответ, чувствуя, как напряжение слабеет, и благодарно улыбнулась.

– Если поможешь мне запереть, я подброшу тебя домой, – сказал он. – Договорились?

– Договорились.

Рууд повернулся и пошел к двери. Остановился на пару секунд. Посмотрел в направлении, в котором скрылся мотоцикл. Мотор все еще слабо урчал в отдалении.

Глава 4

Лето 1983 года

Командный пункт Монсон устроил на веранде позади дома. Отсюда ему с трудом, но удавалось кое-что разглядеть в темном саду, сюда долетали едва слышные крики спасателей, обыскивавших поле вокруг Баккагордена.

Билли!

Бишил-лиии!

Он расстелил на садовом столе большую карту и направил на нее свет штормового фонаря, который приладил к навесу у себя над головой. Полицейское радио было настроено на заранее оговоренную частоту, и по мере того как поисковые группы проходили мимо условленной точки, он отмечал их маршрут на карте. Как он и предвидел, из-за темноты и дождя спасатели с трудом ориентировались на кукурузном поле, и возглавлявшим группы полицейским приходилось часто останавливаться, чтобы сменить курс или дождаться оставшихся.

Дверь за спиной у Монсона тихо открылась, и на террасу вышел Эббе Нильсон. В руках у него был поднос с термосом, кружкой и большой тарелкой бутербродов; поднос он приложил к столу рядом с картой.

– Я подумал – может, тебе чего-нибудь горячего?

Монсон, поблагодарив, налил себе чашку кофе, и на миг ему стало совестно. У Эббе пропал сынишка, семья места себе не находит – и все же Эббе потруился сварить ему кофе. И даже приготовил поесть. Откусывая от бутерброда с колбасой, он тайком изучал хозяина.

Пустые глаза, бледное, изборожденное морщинами лицо. Тени и неяркий свет штормового фонаря усиливали впечатление опустошенности. Но держался Нильсон прямо и вид имел вполне собранный.

– Как поиски? – спросил он.

Монсон указал на сад и кукурузное поле.

– Работаем. Темнота и дождь мешают. Но мы найдем его, вот увидишь. – Последние слова вырвались у него помимо воли, он не успел удержать их. Монсон давно служил в полиции и знал: если ситуация не поддается контролю – не давай обещаний. Но именно это он и сделал. Из сочувствия, сказал он себе, но тут же заподозрил, что не до конца честен с собой.

Рация снова затрещала, и он отвернулся. Не сообщение – просто статический шум, который почти сразу прекратился. Монсон дожевал бутерброд.

– Как Магдалена? – Он кивнул на верхний этаж.

– Заснула. – Нильсон, видимо, и сам услышал, как резко прозвучал его ответ, и заговорил мягче. – Она так изнервничалась, что выпила успокоительное. Ошиблась, случайно приняла двойную дозу и теперь крепко спит. Наверное, оно

и к лучшему, пусть на какое-то время отключится от всего этого. Билли для нее всё... – Голос Нильсона дрогнул, и остаток фразы потонул в шуме дождя, барабанившего по ткани навеса.

– А что другие дети? – Монсон тут же сообразил, что вопрос можно истолковать двояко. Но Нильсон выбрал правильное толкование.

– Маттиас и Вера уже легли, но я, честно сказать, не верю, что они спят. Если бы не они, я бы тоже был там. – Он указал на кукурузное поле, где время от времени мелькал свет карманных фонариков.

Одна из поисковых групп, кажется, повернула назад, к усадьбе. Монсон сверился с картой и вздохнул: группа В намерилась прочесать участок вдоль забора, хотя этой ночью здесь уже все обыскали. Он взялся за рацию, но к уху ее не поднес. Плечи у Нильсона поникли, взгляд блуждал по саду, а рот приоткрылся, словно хозяин дома собирался что-то спросить. Теперь у него был вид совершенно сломленного человека, который вот-вот упадет...

Монсон кашлянул, соображая, что сказать.

– Ты нужен здесь, Эббе, – начал он. После секундного замешательства Монсон чуть неловко похлопал Эббе по плечу. – Искать может любой из нас, но кто, кроме тебя, позаботится о Магдалене и детях? К тому же, когда мы найдем Билли, кто-то должен ждать его дома.

Снова он пообещал больше, чем следовало, но слова и

жест хотя бы возымели эффект. Нильсон закрыл рот и медленно кивнул.

Рация вновь затрещала.

– Монсон, ты там?

– Слушаю!

– Говорит Берглунд из группы В. Кинолог нашел что-то в поле, метрах в двадцати от лаза под забором.

– Что именно? – Монсон затаил дыхание. Посмотрел на Эббе. Тот выпрямился – казалось, он снова обрел силы.

После серии помех из рации прорезался голос Берглунда.

– ...ночек. – Больше Монсон ничего не расслышал.

– Еще раз! – велел полицейский, склоняясь над картой и пытаясь определить, о каком месте идет речь. – Что вы там нашли, Берглунд?

Рация снова затрещала.

– Ботиночек. Синий с белым.

Глава 5

Рууд остановил «вольво» перед ее домом. От резкого запаха освежителя, болтавшегося под зеркалом заднего вида, свербило в носу. Рууд отстегнул ремень, и на какой-то миг ей показалось, что он собирается попроситься на чашку кофе.

Вероника начала было бормотать плохо придуманное извинение, но Рууд порылся в кармане брюк и с некоторым усилием выудил оттуда пакетик табака, после чего снова пристегнулся.

– Увидимся в понедельник, – сказал он. – Завтрак-планерка – в девять.

– До понедельника!

Она вышла из машины раньше, чем Рууд успел сунуть табак в рот. Остановилась, положив руку на дверцу.

– Спасибо.

– Не за что, крюк небольшой.

Вероника хотела еще что-нибудь сказать, но тут Рууд подмигнул.

– На следующей неделе будет легче. Честное слово, Вероника.

В такой квартире мог бы обитать кто угодно. Сорок эклектично обставленных квадратных метров: находки с блошиного рынка соседствовали с мебелью из «Икеи». Кухня и го-

стиная справа, спальня – слева. Чисто, аккуратно и практично. Ни семейных фотографий, ни картин, ни рисунков. Ни ароматических свечей, ни подсвеченных статуэток Будды, ни магнитиков с мудрыми изречениями вроде *Carpe diem*² или «Сегодня первый день конца твоей жизни» на холодильнике.

Поразительно безличная, как называл эту квартиру дурак с татуировкой на шее – Вероника встречалась с ним когда-то давно, задолго до Леона. Он был из разряда «принимайте-меня-таким-какой-я-есть». Из тех, кто считает себя честнее других потому только, что им попросту недостает обычной вежливости. И трахался этот татуированный примерно так же. Самовлюбленно и бездарно, на что Вероника не преминула указать, когда давала ему отставку.

Критика татуированному не особо понравилась. На водительской дверце машины Вероники появились длинные царапины от его ключа, но теперь ржавчина сделала их почти незаметными на фоне лака. Неотчетливое напоминание о старой ошибке.

В квартире было душно, не хватало кислорода. Вероника расстегнула верхнюю пуговицу, открыла окно в гостиной и свесилась вниз. Сквозь листву увидела, как медленно удаляется «вольво» Рууда.

На улице было не намного прохладнее, чем в комнате, такая же духота. Вероника открыла второе окно, а потом еще

² Живи настоящим (*лат.*)

и маленькое, выходящее в сад окошко спальни, в тщетной попытке устроить сквозняк.

Лампочка в холодильнике подозрительно мигала. Наверное, скоро перегорит – вот и еще один пункт в список дел. Внутри обнаружили полбутылки воды «Рамлёса», несколько пакетиков соевого соуса и просроченная упаковка еды из китайского ресторана. Вероника, наслаждаясь прохладой, стояла перед открытым холодильником и достала «Рамлёсу». Минералка выдохлась и приобрела солоноватый привкус.

Случайная помеха.

Рууд, наверное, так и думал. И он, и отдел кадров считали, что знают, кто она и что для нее лучше всего. На самом деле они были весьма далеки от истины.

Так почему она терпит их опеку? Почему приняла все условия договора, которые впарил ей профсоюз, хотя могла просто взять и уйти?

Хорошие вопросы, особенно сегодня вечером, а ответ все тот же. Потому что она приняла решение не сбегать больше, как только возникнут трудности. Звучит внушительно, слова зрелого и ответственного человека, но главная причина, по какой она осталась, согласившись на все требования, была значительно менее благородной.

Вероника покосилась на телефон, стоявший на столе. Лампочка светила красным, не мигала. Сообщений нет. Ничего другого Вероника и не ждала. Но все же при ви-

де этого широко открытого красного глаза ей отчего-то стало грустно. Кайф от терапевтической сессии испарился, и тягостная печаль ощущалась теперь всем телом. Вероника ненадолго задумалась. Может, снять трубку, позволить пальцам набрать запретный номер – только чтобы услышать голос Леона? Конечно, Вероника не стала этого делать. Она же не дура. Она прекрасно себя знает – и не решается заводить мобильный телефон, потому что смски чуть не сами себя пишут и отправляют.

В ванной на полу кучей лежала одежда: белая рубашка с длинными рукавами, в ней Вероника похожа на монахиню, черные брюки, хлопковые трусы, купленные в *H&M* (пять штук в упаковке). Простые дешевые тряпки, такие же безличные, как ее дом.

Вода была противно теплой, даже если пустить холодную на полную мощность. Вероника позволила ей свободно стекать по телу, по зубчатому красному шраму, который тянулся вдоль почти всего правого предплечья. Пройдет еще несколько лет, и он побледнеет, сольется с кожей, как царапины на дверце ее машины. Превратится в неотчетливое напоминание о старой ошибке.

После душа Вероника почувствовала себя лучше, словно вода смыла мрачные мысли. Завернулась в белый махровый халат, который они с Леоном стащили из уютной маленькой гостиницы в Труссе, где он в первый раз сказал, что любит ее, прихватила сигареты и пепельницу и уселась в нише окна,

выходящего на улицу. Вообще-то Вероника бросила курить. В рамках своего личного плана терапии. Никаких стимуляторов – ни табака, ни алкоголя. В первую очередь – алкоголя.

Внизу, на улице, уже зажглись фонари. Вокруг них толпились мошки. На миг ей в голову пришла мысль о ночных бабочках. Дома они иногда проникали в комнаты через дверь террасы и, треща крыльями, плясали вокруг кухонной лампы. Перед внутренним взором всплыло тревожное выражение на лице матери, вызванное этими танцами.

Воспоминание удивило Веронику, и она выдула дым прямо в летний вечер. Попыталась направить мысли по другому пути. Чтобы они не привели ее на лед.

Сигарета кончилась быстрее, чем она рассчитывала; Вероника раздавила окурок в пепельнице, подумывая, не закурить ли вторую. Но тут ее кое-что отвлекло. Внизу коротко мигнул слабый огонек, а потом исчез, сменился красновато горящей точкой. Наверное, сосед выполз на улицу, выкурить вечернюю сигаретку.

Вероника с любопытством высунулась из окна, высматривая сквозь листву деревьев, кто же там стоит. Присутствие курильщика выдавала только пылающая точка, которая то разгоралась, то уменьшалась в такт затяжкам.

Вероника представила себе, как человек внизу улизнул из дома, чтобы тайком покурить, хотя он или она дали себе честное слово бросить. Представила, как этот человек отдувает сигаретный дым от одежды, а в кармане у него припа-

сены леденцы от кашля, чтобы скрыть следы прегрешения.

Эта мысль заставила Веронику усмехнуться. Ей нравилось молчаливой невидимкой сидеть здесь, наверху, пока курильщик внизу тайком смолит свою сигарету. Это давало ей ощущение преимущества, контроля, возбуждавшее не хуже групповой терапии.

Огонек еще раз мигнул, потом описал дугу по направлению к сточной канаве. Кажется, перекур окончен, курильщику пора домой. Но нет. Курильщик, видимо, остался стоять, где стоял. Вероника высунулась еще немного, ей показалось, что она различает сквозь листья темные контуры фигуры. Пятно посветлее – лицо – повернуто вверх, к ее окну. Вероника попятилась, запахнула халат на груди. Она чувствовала себя разоблаченной. Ее словно увидели насквозь.

Любовь моя

В первый раз я настолько чувствую жизнь. Словно до этого было долгое забытие, серое пограничье между снами и бодрствованием. Но сон кончился. Я наконец с тобой.

Я живу ради тех минут, когда мы с тобой садимся в машину. Ради наших побегов, когда мы можем быть собой.

Тебе наверняка известно, что о тебе говорят. Злословят недоброжелатели. Я усмехаюсь украдкой – я знаю, как они неправы. Я знаю тебя лучше, чем любой другой человек, я знаю твою суть, скрытую под суровой маской. Но – будем осторожными, любовь моя. Все взгляды направлены на нас,

и никто не желает нам добра. Никто.

Глава 6

Лето 1983 года

– Ничего себе! Мы тут больше часа. Самое время сделать перерыв, заправиться. Согласен? – Не откажусь. – Сейлор смотрел, как Раск вытаскивает из воды якорь и вешает его на поручни пластмассовой лодочки. Потом парень хлопнул себя по шее и вытер смесь убитого комара и пота о штаны. Другой рукой он извлек из мешка, стоявшего на дне у них между ногами, бутылку спиртного.

– Жара, как в Африке, – констатировал Раск и, посчитав, что дальнейшие речи излишни, протянул бутылку Сейлору. Хотя полузаросший пруд был не больше десяти-двенадцати метров в ширину и потому почти весь оставался в тени окружающих его деревьев, жара и впрямь была удушающей. Мошки плясали над стоячей водой, отваживаясь время от времени выбираться в пятна солнца там, где лучи пробивались сквозь листву, меняя цвет воды с черного на бутылочно-зеленый.

Вместо ответа Сейлор вытащил пробку и сделал пару основательных глотков. Только сейчас он понял, что это не покупная выпивка. Он вернул бутылку Раску и сгорбил над короткими веслами. Молодой выпил почти вдвое больше, но Сейлор смолчал. В конце концов это бутылка Раска, его са-

могон; не дело обращать внимание на жажду того, кто угощает.

– Уфф. То, что надо. – Раск провел руками по голове, под мышками у него темнели пятна пота. – Теперь хоть не учуешь, как воняет эта чертова лужа. Надо было заправиться до того, как мы взялись за дело.

Сейлор что-то пробурчал, соглашаясь с приятелем.

– Ты-то небось на воде как дома, – заметил Раск. – Когда с моря вернулся?

– Прошлой весной.

– И сколько тебя не было на этот раз?

– Семь лет.

– А до того?

– Уехал в шестьдесят втором, когда шахту закрыли. В последний раз был тут в семьдесят шестом. Мать хоронил.

– Долго же ты плавал. У тебя небось баба в каждом порту. Ни дать ни взять Фритьоф Андерссон³.

Сейлор пожал плечами. Он знал, что Раск потешается над ним. Почти все в поселке потешались. Насмехались над его замкнутостью, неуклюжестью. Над его склонностью к выпивке. Сейлор тайком покосился на бутылку, стоявшую между сапог товарища.

Раск выкопал из кармана пакетик табака и кивнул на зеленую полоску между полем и водой всего в нескольких мет-

³ Любвеобильный персонаж из песен знаменитого шведского певца и композитора Эверта Тоба (1890–1976).

рах от них. В зарослях крапивы валялись подернутые илом останки велосипеда, два полусгнивших бревна и проржавевшая до дыр бадья.

– Вот так улов! Эти мергельные ямы были свалкой уже после войны. Не понимаю, почему Аронсон до сих пор их не засыпал. Он вроде не из тех, кто цепляется за старье.

Раск сунул щедрую порцию табака под губу, не сделав даже поползновения поделиться. Сейлор снова покосился на бутылку. Подумал, что он все равно предпочел бы табаку глоток самогона.

– Небось коммуны дожидается, – продолжал Раск. – Хочет, чтобы она заплатила.

Он убрал табак и вытер пальцы о клетчатую фланелевую рубашку.

– Кстати, есть идеи, почему Монсон отправил нас именно сюда? Неужто полиция всерьез думает, что пацан Нильсонов сначала тащился три километра по кукурузному полю – это в темноте-то, под дождем, потом перелез три каменные ограды, перешел асфальтовую дорогу, а после еще и сотню метров пер через пастбище? – Он большим пальцем ткнул через плечо в сторону поля, по которому они волокли лодку; на зелени остались отчетливые следы. – Да у нас каждый сопляк знает, что тут надо опасаться пожарных прудов и мергельных ям. Мой старик меня до усрачки пугал рассказами про эти самые ямы. Говорил, что они бездонные и что в них полно пиявок.

Сейлор снова согласно забурчал, продолжая коситься на бутылку. Может, Раск поймет его взгляд? Решит пропустить еще по глоточку, прежде чем они закончат обследовать дно? Но приятель, кажется, всерьез взялся разглагольствовать о семействе Аронсон.

– И еще это поле, с кукурузой. Если бы Эббе Нильсон посадил кукурузу позади дома, как любой нормальный фермер, мальчишка бы не заблудился. Но где сажать кукурузу, наверняка решал Аронсон. Нильсон в жизни своей ни одного решения не принял самостоятельно. Он небось и срать ходит только с разрешения шурина, а то и жены.

Раск харкнул, отправив коричневый плевок в темную воду. Сейлор промолчал.

– Ты, кстати, заметил, как мало нас пришло утром на собрание? Меньше половины от того, что было в первые дни. Никто не хочет найти мальчишку. Теперь не хочет. И эту дерьмовую работу поручили нам. Потому что мы зависим от Аронсона. Вот кто сейчас парня ищет? Или работники Аронсона, или клиенты, или арендаторы, или кто деньги ему должен.

Раск снова сплюнул. Тонкая струйка слюны с плеском ушла в пруд, распугав водомерок и запустив по воде пару вялых кругов, которые почти сразу исчезли. Раск поднял бутылку и объявил:

– Я вот тут о другом подумал.

– О чем? – спросил Сейлор, сообразив, что пробка не бу-

дет выкручена, пока он не задаст этот вопрос.

– Мы все здесь землю носом роём уже неделю, полиция приезжала с собаками, Монсон даже вертолет из Мальмё сюда вытребовал. А ведь кроме того ботинка, мы и следов пацана не нашли. Он как сквозь землю провалился.

Раск откупорил бутылку и сделал два задумчивых глотка, вместо того чтобы для начала предложить глотнуть товарищу.

– М-м. – Сейлор облизал губы.

– Мне так видится, тут кое-что другое случилось. – Раск сделал еще глоток и выжидательно глянул на Сейлора.

Сейлор попытался угадать, что же собирается сказать Раск. И вдруг сообразил.

– Хочешь сказать – парень ушел за кем-то по собственной воле? Но за кем?

Раск пожал плечами и протянул ему бутылку. Сейлор сделал два больших глотка. Потом еще один, на всякий случай – вдруг двух окажется недостаточно. Спирт обжег глотку, в живот потекло приятное тепло.

– Здесь полно тех, кто не выносит Аронсонов, – сказал Раск. – Большую часть денег, на которые Харальд скупил поселок и все что вокруг, его батя нажил во время войны, это всем известно. Ассар Аронсон был выжига, каких свет не видывал, и в делах никогда не ошибался. А Харальд еще похлеще своего папаши будет. Я слыхал, у него связи в банке, так что он точно знает, кто прочно на мели и у кого нет дру-

того выбора, кроме как продать лес, землю или дом. Короче, за чужой счет он богатеет. И вся их семейка в церкви всегда впереди сидит. Аронсон, его сестра, ее благоверный и их малявки. Волосы смочены-расчесаны, сами разодетые, ханжи этакие. Но никто тут и вякнуть против них не смеет. А насчет сестры, кстати, есть одна история... но о ней предпочитают помалкивать.

Раск требовательно махнул рукой, и Сейлор нехотя вернул ему бутылку.

– Мы с Магдаленой Аронсон учились вместе. Она уже в школе была красотка. Рыжая, ноги длинные, и тут, и там все как надо. Нас вокруг нее много топталось, и она не то чтобы недотрогой была.

Раск ухмыльнулся, выставив напоказ недожеванный табак. Сейлор выдавил ответную улыбку.

– Магде нравилось, когда ее звали на свидание, она любила пофлиртовать. Но старый Аронсон и ее старший братец стерегли девку, что твои ястребы. Рискнул я как-то подойти слишком близко, так мне Харальд со своей бандой мигом рыло начистил, пришлось даже дома врать, что я упал с мопеда, иначе откуда у меня фонари под обоими глазами? И все же Магда продолжала мне улыбаться. Вдохновлять, так сказать, на подвиги. Как старый Аронсон помер, у нас многие решили, что теперь путь свободен.

Он сплюнул в третий раз.

– Но Магда удрала в Копенгаген. Небось хотела найти ко-

го поинтереснее деревенских чурбанов. А кончила, как фру Эббе Нильсон. Ирония судьбы! Вышла замуж за лучшего друга своего старшего братика. Так и до близкородственного спаривания недалеко, верно?

Раск допил самогон и выбросил пустую бутылку в воду. Сейлор с сожалением проводил ее взглядом.

– Вот так вот... – Раск взялся за веревку якоря-кошки, отцепил его от поручней и снова бросил в пруд. – Короче говоря, в деревне полно тех, кому не терпится щелкнуть Аронсонов по носу. Надо бы этой жерди, нашему полицейскому начальнику, составить список таких обиженных и пометать их галочками, одного за другим, а не заставлять нас заниматься всякой ерундой. И мы с тобой оба знаем, с кого ему следовало бы начать, верно? С твоего товарища по охоте Томми Роота.

Сейлор молча следил, как веревка скользит между ладоней Раска. Дециметр за дециметром, пока кошка не достигла дна далеко внизу, в илистой тьме. Он взялся за весла, равнодушно шевельнул лопастью в воде. Лодка скользнула по темной глади на полметра и вдруг встала; веревка натянулась.

– Опаньки, – удивился Раск. – Что на этот раз? Рыба, мясо или ни рыба ни мясо?

Он начал выбирать веревку, но она едва подавалась.

– Сдай-ка назад, – скомандовал Раск. Уперся в палубу, опять потянул. За что бы ни зацепился якорь, отцепляться он явно не хотел. – Черт!

Раск встал, уперся ногами крепче, снова принялся дергать веревку.

От его движений лодка накренилась, и на какой-то миг Сейлору показалось, что она сейчас опрокинется. Но потом суденышко само собой выправилось.

– Что-то большое, – закричал Раск, выбирая веревку. – Бревно небось. – Он продолжал тянуть веревку. Зеленая слизь, облепившая ее, сползала на дно лодки.

Сейлор увидел, как заволновалась вода. Недовольно, словно не желая отпускать свою добычу. Сейлор вдруг осознал, что затаил дыхание.

– А ну-ка еще разок, – пропыхтел Раск.

Вода запузырилась. Внизу показалось что-то темное, потом что-то светлое. Ком, при виде которого у Сейлора свело желудок. Голова, плечи, что-то похожее на руку.

Якорь вдруг отцепился от находки, и Раск повалился навзничь. Он ударился головой о сиденье, и лодка резко качнулась вправо. Темная вода плеснула на ноги, и Сейлор вскочил, чтобы перенести вес на другой борт. Но было уже поздно: густая вонючая жижа поглотила и лодку, и Раска, и его самого.

Глава 7

Она знала, что у нее куча вредных привычек. Между восемнадцатью и двадцатью пятью она перепробовала почти все: экстази с колой по праздникам, шмаль и бензоадизепин – чтобы развеяться. Если честно, она потом так и не очистилась полностью. Но лишь начав учиться на психотерапевта, Вероника поняла, какой наркотик для нее самый сильный. Чужое горе.

Пятничная группа состояла из восьми человек. И по пятницам, и по понедельникам приходили примерно одни и те же, так что Вероника успела выучить имена большинства участников. На прошлой неделе, помимо группы по проживанию горя, были еще две группы для алкоголиков, одна для игроманов и одна – для депрессивных безработных. Этот вид печали – не то же, что чистая скорбь, и все-таки Вероника, наверстывавшая пропущенные месяцы, ощущала приток эндорфинов, даже когда работала и с такими участниками. Сейчас она почти полностью контролировала лед внутри себя. Могла открыть трещину настолько широко, чтобы члены группы приняли ее за свою, а потом быстро закрыть, не рискуя тем, что ее утащит на глубину.

Рууд продолжал маячить где-то на периферии, но контроль ослабил и пребывал теперь в основном у себя в кабинете. Веронику такое положение дел вполне устраивало. Боль-

ше возможностей сосредоточиться на своем.

Эльса, седая женщина со слезами-жемчужинами, снова говорила об умершей от рака дочери, и ее печаль заняла в блокноте еще полстраницы.

Слово как раз взял Стуре, пенсионер с жидким зачесом через лысину и шелушащейся кожей, когда дверь открылась и вошел светловолосый мужчина лет двадцати пяти. Он не стал неуверенно жаться у дверей, как другие, а неторопливо и уверенно прошагал по потертому ковру. Словно точно знал, куда направляется и зачем.

Стуре продолжал говорить о том, как скорбит по своему брату, но Вероника его больше не слушала. Что-то во вновь прибывшем притягивало ее внимание. Симпатичный, в этом ему не откажешь. Широкоплечий, стройный. Загорелая кожа, ярко-синие глаза; заметив ее взгляд, незнакомец улыбнулся. Один рукав футболки был подвернут, из-за отворота выглядывал четырехугольник сигаретной пачки. Наверное, подсмотрел такое в каком-нибудь фильме с Джеймсом Дином и, в отличие от других подражателей, не постеснялся выйти этак на люди.

Несколько секунд над диафрагмой у Вероники порхали бабочки, а сухой голос в голове подсчитывал, сколько месяцев у нее не было секса ни с кем, кроме самой себя.

Мужчина кивнул ей, взялся за раскладной стул и сел. Вероника заставила себя отвернуться, снова сосредоточиться на Стуре и его умершем брате. Принудить ручку впитывать

его рассказ. Но это вдруг перестало приносить удовлетворение. Печаль не хотела больше неподвижно лежать на страничке блокнота; взгляд Вероники снова и снова возвращался к блондину. Тот сидел, чуть подавшись вперед, упершись локтями в колени, и, кажется, внимательно слушал Стуре. Аура незнакомца была настолько сильной, что других участников тянуло к нему, как ночных мотыльков к фонарю под окном ее квартиры.

Наконец даже Стуре понял, что происходит. Он замолчал и несколько секунд конфузливо моргал, словно не зная, что предпринять. Вероника пришла ему на помощь, не дав попасть в неловкое положение.

– Спасибо, Стуре.

Среди участников поднялся тихий ропот. Теперь слово должно было перейти к Мии, чей муж погиб в результате несчастного случая на работе и чья трагедия заняла уже в блокноте почти целую страницу. Но все, включая Мию, смотрели на молодого блондина, поэтому Вероника решила немного отступить от правил.

– У нас новый участник. Добро пожаловать! Меня зовут Вероника Линд, я психотерапевт. – Она кивнула блондину и получила в ответ улыбку, которая показалось ей, с учетом обстоятельств, слишком веселой. – Возможно, вы уже и так знаете: каждый в этой группе потерял близкого человека. Делясь своим горем с другими, мы стараемся переработать его и жить дальше. Мы задаем друг другу вопросы, но не о по-

дробностях несчастья, а только о чувствах. Мы проявляем уважение и сострадание.

Она замолчала, подсознательно ожидая, что улыбка погаснет, что блондин встанет, извинится и скажет, что ошибся или с группой, или со временем.

Однако новичок продолжал улыбаться своей чересчур уж очаровательной улыбкой, словно сообщая: я именно там, где и хотел оказаться. Вероника полистала блокнот, нашла чистую страницу. Огляделась – здесь ли Рууд? – но тот не появился; что ж, тем лучше.

– Хотите представиться, рассказать о своей печали?

Вероника выжидательно занесла над блокнотом ручку.

– Здравствуйте все. Меня зовут Исаак... – Тут мужчина запнулся, словно не зная, должен ли раскрывать свою фамилию. – Когда мне было шесть лет, я потерял лучшего друга. Он пропал без вести, и я так и не узнал, что с ним произошло. После этого все пошло не так, и в моей семье, и во всем нашем поселке. Вокруг словно образовалась пустота, которую никто так и не сумел заполнить. Я все еще много думаю о нем. Думаю, что с ним могло произойти.

В речи Исаака угадывался северный диалект, однако в интонации было что-то, что с ним не вязалось. Исаак коротко глянул на Веронику, словно ему требовалось указание, продолжать или нет. Но Вероника сидела неподвижно. Благоприятное влияние предыдущих рассказов улетучилось, и она услышала, как лед пришел в движение.

Исак еще немного подождал и уже хотел было заговорить снова, когда язвительный бородач по имени Ларс открыл рот.

– Что значит – ваш друг *пропал без вести*? – Тон был резким, но заинтересованным. Ларс еще никогда ни к кому не обращался; выпустив пар и стравив злость в свои фантазии о мести, он обычно замолкал.

Исак откинулся на спинку стула. Выражение его лица больше не было таким самоуверенным, а улыбка казалась теперь слегка беспокойной.

– Ну... Как-то вечером он вышел на улицу, поиграть. Когда мама позвала его, он не откликнулся. Жители поселка прочесывали местность целую неделю, но так и не нашли его. Он пропал... пропал бесследно.

Шорох льда усилился, поглотил остатки кайфа от предыдущих рассказов. Она хотела бы, чтобы слова просто текли дальше, но тут Ларс задал вопрос, который все изменил.

– Ты это про Билли Нильсона? – Ларс почти оживился; он повернулся к другим сидевшим кружком людям. – Вы же помните? Мальчик, который пропал без вести в начале восьмидесятых.

Участники группы тихо загомонили. Веронике явно пора было вмешаться, вернуть себе контроль над беседой. Но она не могла.

Ларс встал; его обычно пустые глаза ожили. Он шагнул в центр круга, ища поддержки у остальных.

– Исчезновение Билли Нильсона. Газетчики чуть роман не написали. Люди ни о чем другом тогда, считай, и не толковали. Билли должно было исполниться пять, он жил в каком-то захолустье в Сконе. Так ты про него говоришь? Это Билли – твой приятель?

Исак беспокойно заерзал, ища ее взгляда. Ларс нарушил правила. К тому же он подстрекал к этому других, и ей следовало остановить его. Но Вероника словно примерзла к стулу. Голова и тело стали неподвижными от стужи, пробравшейся в ее жилы.

– Его похитили, разве нет? – услышала она писклявый голос справа. Он принадлежал женщине лет пятидесяти, с лицом, испещренным шрамами от угрей. Анника... или, может, Анита. Имена вдруг вылетели у Вероники из головы.

Ларс энергично взмахнул руками, словно приглашая других к разговору. Раздалось одновременно еще несколько голосов; трещина в груди все ширилась.

– Мои родители долго потом не пускали меня на улицу одного.

– Заплатили какой-нибудь выкуп?

– Узнали в конце концов, кто его похитил?

Вероника отметила, что Исак смотрит прямо на нее. Выражение глаз было почти умоляющим, но в его взгляде таилось и что-то еще. Что-то, не поддающееся объяснению. Может, боль – или просто сострадание?

– Жуть какая.

– Бедные родители.

Трещина ширилась, сквозь нее уже проступила темная вода. Вероника открыла рот, глотнула воздуха, чтобы закричать. Велеть им всем заткнуться. Она не хочет идти через лед. Она не...

– Сядь, Ларс! – Решительный тон Рууда заставил какофонию голосов резко умолкнуть. Ларс остался стоять, упрямо глядя на медленно приближавшегося Рууда.

– Мы ведь имеем право задавать вопросы?

– Ты знаешь, какие. Спрашивать можно о чувствах, а не о подробностях.

– Ладно, сорри. – Ларс вскинул руки. Потом повернулся к Исаку и нацелил на него толстый мозолистый палец. – Что ты почувствовал, когда исчез твой приятель Билли? Ты знаешь, кто его похитил?

Вероника хотела вернуть себе контроль над телом, она пыталась сделать или сказать что-нибудь... что угодно. Но способна была только вместе с остальными зачарованно тарачиться на Исака.

Рууд быстро шагнул в круг и встал между Ларсом и Исаком.

– Хватит.

Ларс зло глянул на Рууда. Глаза – в красных кольцах, прозрачная кожа походит на тесто. Щеки и кончик носа отливают розовым и голубым из-за сосудистой сетки, тонкие жилки там полопались.

Оба были примерно одного роста, но Ларс тридцатью годами моложе и гораздо спортивнее. И все же Рууд не выказывал перед ним никакого страха.

– Ларс, ты выпил, – сказал Рууд тихо, почти дружески. – Ты же знаешь, это запрещено. Я вынужден просить тебя уйти.

Ларс открыл рот, сжал кулаки и сделал полшага вперед. Какой-то миг казалось, что он сейчас ударит Рууда. Вероника затаила дыхание – и все остальные тоже. Рууд не двинулся с места. Просто не отрываясь смотрел на Ларса. Глаза у мужчины забегали. Он сердито глянул на Исака, потом снова на Рууда.

– Да пошли вы все!..

Развернувшись на каблуках, Ларс опрокинул два стула; круг нарушился. Стулья прокатились по полу, словно большие осенние листья по серой жести крыши.

Рууд подождал, пока за Ларсом захлопнется дверь.

– Правила созданы для того, чтобы все чувствовали себя в безопасности, – сказал Рууд. – Каждый сам выбирает, чем ему делиться с остальными. Никто не имеет права подвергать сомнению слова другого или устраивать перекрестный допрос. Это понятно?

Он посмотрел на каждого поочередно. Добился от каждого пристыженного и согласного кивка.

– Думаю, на сегодня достаточно. Что скажешь, Вероника? Услышав свое имя, она очнулась. Выдавила утвердитель-

ное «угу». Глубоко втянула холодный воздух и механически добавила:

– До встречи на следующей неделе.

Она поднялась и сделала два неуверенных шага. Исак уже успел пройти половину расстояния до двери.

– Извини, Вероника. У меня всего один вопрос. – Стуре с зачесом, видимо, сообразил, что ему так и не дали договорить об умершем брате. Стуре задержал ее на пять долгих минут, и, так как Рууд наблюдал за ней, Вероника изо всех сил делала вид, что внимательно слушает. На самом деле она не разобрала ни слова из того, что говорил Стуре. Она слышала только певучий металлический звук, похожий на тот, что исходит от рельсов в метро за миг до того, как по ним промчится поезд. Звук толстого льда, готового треснуть.

Глава 8

Лето 1983 года

– Вы точно видели именно это? Оба сидели на траве перед Монсоном в желтых пледах, выданных бригадой «скорой помощи». Летней жаре потребовалось два часа, чтобы высушить их, но приятели все еще походили на спасенных из воды кошек. Лица в серых потеках, волосы и одежда пропитались смесью ила и водорослей и воняли хуже куриного помета.

– Это был пацан, – сказал Раск. – Там, внизу. Точно, Сейлор?

Сейлор промолчал, только маловразумительно пожал плечами.

– Вы, кажется, не так в этом уверены, Ульсон, – заметил Монсон и наклонился к нему. Сейлор, избегая его взгляда, уставился в траву.

– Мы уверены, – резко сказал Раск. – Зачем нам врать?

Потому что вы – самые горькие пьяницы во всей округе, от вас даже сквозь эту грязь разит самогоном, подумал Монсон, но решил до поры до времени не высказываться на этот счет. Даже сломанные часы показывают верное время дважды в сутки.

Позади него несколько мужчин выбивались из сил, спасая

потерпевшую крушение лодку – она почти полностью ушла в ил. Другая лодка, побольше, замерла посреди пруда, точнее – бывшей мергельной ямы. Поисковики почти на три четверти длины опустили якорь-кошку в воду в месте, которое указал Раск. Результатов пока не было.

Едва получив сообщение, Монсон бросился к машине. В течение часа добыл новую лодку и все, что нужно для траления. Сейчас движения людей в лодке ясно показывали, что их первоначальная решимость сменилась тягостным сомнением – как и у него самого.

– Мы его видели так же отчетливо, как вас. – Раск явно начинал понимать, что его свидетельство поставлено под вопрос. – Но мергельная яма – она ж бездонная. Он может быть как угодно глубоко.

– Три метра, – сказал Монсон.

– Че-чего?

– Вон те парни говорят – еле-еле три метра в самом глубоком месте. – Монсон указал на лодку. – Вы разве не заметили, когда купались?

Раск притворился, что не уловил иронии.

– Может, ее тогда можно выкачать? Вызовите пожарную команду и выгребите оттуда все дерьмо.

– Может быть, – буркнул Монсон. Он уже обдумывал такую возможность, прикинул даже насчет водолазов. Вряд ли кто-то добровольно полезет в стоячую воду и станет вслепую шарить по дну. Кто знает, что скопилось в мергельной яме

за много лет. Но если бы даже кто-то и вызвался, Монсон вряд ли пошел бы на такой риск, основываясь лишь на словах проспиртованных свидетелей.

Монсон покосился на часы и сердито глянул на обоих. Сейлор продолжал с отсутствующим видом пялиться в траву, у Раска вдруг забежали глаза. Еще полчаса, сказал себе Монсон. А потом свернуть лавочку и отправить обоих выпивох по домам.

Тут он краем глаза уловил нечто, заставившее его обернуться. У мужчин в лодке внезапно изменились движения, стали быстрыми и решительными. Веревка натянулась.

– Мы что-то нашли, – прокричал один из спасателей. – Что-то большое.

Монсон сделал несколько шагов к воде. Приставил козырьком руку к глазам, чтобы ничего не упустить. Лодка была от него всего метрах в четырех, и он увидел, как спасатели с усилием закрепляют вторую кошку. После пары попыток им это удалось.

– Давай! – Обе веревки натянулись и медленно поползли вниз.

Раск вскочил и встал рядом с Монсоном; от волнения он даже угодил ногой в воду.

Веревки продолжали уходить вниз. Лодка качалась от тяжести находки, которую крепко держали якоря. Раск нервно сплюнул. У Монсона заколотилось сердце.

Веревки становились все короче. Вода возле лодки пошла

волнами, неохотно отпуская свою тайну.

– В-вот, – выдохнул Раск. – Вот он!

Из воды показалась темная фигура, покрытая черным илом, но все же со вполне различимыми контурами. Верхняя часть тела, две руки. Монсон затаил дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

Они нашли его! Нашли малыша Билли!

У него словно гора с плеч свалилась. Смерть Билли – трагедия. Ужасная трагедия, которую поселок не забудет никогда. Но он, во всяком случае, выполнил свою работу. И никто не сможет упрекнуть его.

Тело мало-помалу подняли и оставили висеть над бортом качающейся лодки; ноги фигуры полоскались в воде.

Монсон вдруг уловил какую-то странность. Пропорции совершенно не те. Это не тело маленького мальчика. Скорее – взрослого человека. Или некоего подобия человека. Голова – мешок, рук нет. Из прорванного комбинезона тут и там торчала набивка.

– Пугало! – крикнул один из спасателей. – Пугало, мать его!

Глава 9

Коробка стояла на верхней полке в чулане с одеждой, и, чтобы дотянуться, Веронике пришлось встать на табуретку. Толстый, как мех, слой пыли лежал на крышке, и когда Вероника потянула коробку к себе, облако пыли – а еще, конечно, полбутылки вина, которое она выпила, чтобы собраться с духом, – чуть не повалили ее на пол.

Вероника поставила коробку на журнальный столик и несколько минут сидела неподвижно, глядя на нее. Красное вино помогало побороть внутренний холод, и она выпила еще немного, прежде чем решилась поднять крышку.

Сверху лежали пожелтевшие газетные вырезки, перехваченные резинкой. Заголовки и крупная зернь фотографий заставили сосульку в ее груди пронзить тепло красного вина.

«Кто похитил маленького Билли? Загадка, которая и пятнадцать лет спустя мучит весь поселок».

Вероника налила себе еще вина и выпила почти весь бокал. Тепло вернулось. Вырезка датирована летом 1998 года. Значит, в последний раз она открывала коробку пять лет назад. Пять лет прошло с тех пор, как она пополнила личную коллекцию горя. Должно быть, это произошло сразу после переезда. До того, как она начала работать психотерапевтом. Задолго до Леона.

Конечно, ей стоило бы выбросить все эти вырезки, а не та-

щить их сюда, чтобы спрятать в чулане. Ее терапевт наверняка сумел бы объяснить, какой именно психологический механизм не дал ей этого сделать, но хоть они, пока Вероника была на больничном, и встречались дважды в неделю, она так и не рассказала ему про Билли. Она ни с кем не говорила о Билли. Держала его и маму скрытыми подо льдом и верила, что находится в безопасности.

Вероника отложила шуршащие вырезки в сторону, не читая. Под ними обнаружился коричневый конверт. Она залпом допила то, что оставалось в бокале. Подождала, пока вино смягчит окружающее, и открыла конверт.

Первый снимок сделал местный фотограф; на фотографии был ее младший брат. Билли, принаряженный, сидел на старинном белом стуле. Светлые волосы, любопытные голубые глаза, курносый носик. Билли смеялся в камеру – наверное, фотограф скорчил потешную гримасу. Ниже в коробке были снимки самой Вероники и Маттиаса, сделанные примерно в том же возрасте. Тот же стул, тот же буро-серый фон за спиной, тот же беспечный смех. Вероника перевернула фотографию братика. На обороте стояла дата – третье февраля 1982 года, полтора года до исчезновения.

Бутылка вина каким-то волшебным образом закончилась, и Вероника сходила на кухню за новой. Красный глаз телефона укоризненно смотрел на нее.

Она отвернула его к стене и снова устроилась на диване. Следующая фотография была семейным портретом, сде-

ланным, вероятно, в том же ателье. Мама сидела на стуле, они с Маттиасом стояли по бокам, Билли устроился у матери на коленях. Папа стоял у мамы за спиной, положив руку ей на плечо. Этот достойный манекена жест был идеей фотографа – на самом деле родители, конечно, никогда не касались друг друга таким манером. Но гордость во взгляде отца была настоящей и прямо-таки светилась в камеру. Мама чуть скосила глаза на Билли. На фотографии ей, наверное, тридцать три – примерно столько же, сколько Веронике сейчас. Они были похожи даже больше, чем ей помнилось, и это почти напугало ее. Цвет волос, форма лица, осанка. Мама смотрела на Билли с такой нежностью, что Веронике стало больно. Она на несколько секунд зажмурилась, говоря себе, что похожа на мать только внешне. Что они с мамой – два очень разных человека.

Справа от матери стоял явно смущенный Маттиас. За неделю до визита в фотоателье ему исполнилось пятнадцать. Рубашка, галстук и костюм были новыми и как минимум на размер больше, чем следовало, к тому же мать заставила его сбрить жидкие подростковые усики, которыми он так гордился, и потому кожа над его верхней губой была ярко-розовой. Впрочем, Маттиас не протестовал. Сбрил без единого звука. Потому что Маттиас – послушный мальчик.

Билли лучился в камеру, совсем как на других фотографиях. Белокурый, голубоглазый, он притягивал взгляд. Светлая, недавно купленная одежда очень шла ему.

Сама Вероника сердито глядела из-под соломенной челки. Голубое платье с белыми розочками по подолу и лифу. Его сшила тетя Хельга, которая на самом деле приходилась теткой не ей, а матери. Платье, наверное, смотрелось бы очень мило на восьмилетке, но Веронике на фотографии уже несколько месяцев как исполнилось тринадцать. У нее были длинные, как у теленка, ноги, а лиф отчетливо бугрился на двух маленьких выпуклостях. Перед походом к фотографу они с матерью поругались из-за этого платья, и как всегда, когда ссора затягивалась, папа отвел ее в сторону и попросил не расстраивать маму.

Вероника нагнулась и прищурилась, изучая себя повнимательнее. Лицо отвернуто от камеры, подбородок опущен. Взгляд косой, теперь она это видела. На снимке она смотрит на маму и Билли, а не на фотографа. Фотографии потемнели потому, что состарились, объяснила себе Вероника. Все светлые цвета казались слегка приглушенными, а темные оттенки, как тот, что у нее в глазах, теперь стремились к черному. Если смотреть с расстояния, то кажется, будто кто-то набросил на картинку тонкий темный покров. Словно предупреждение, предчувствие того, чему суждено было случиться.

Вероника отложила фотографию, стряхнула с себя тягостное чувство. Просто воображение разыгралось. Реконструкция событий задним числом и алкоголь смешались в растревоживший ее коктейль. И все же она не могла прогнать прочь

мгновение, которое длилось уже больше двадцати пяти лет.

Надо еще выпить; Вероника резко схватила бутылку. Она поняла, что пьяна, только когда промахнулась и пролила немного красного на журнальный столик. Машинально провела рукавом кофты по лужице, и застиранный хлопок послушно впитал вино. Она подняла руку и стала взволнованно изучать растущее пятно. Ощутила влагу на коже, и прежде всего – на шраме. Осознав, что винное пятно похоже на кровавое, Вероника передернулась, сунула фотографии в коробку и поднялась на неверные ноги.

Надо взять тряпку, чтобы вытереть остатки пролитого вина. На кухне Вероника постояла перед телефоном, глаз которого светился теперь скорее печально, чем укоризненно. Последнее сообщение Леона все еще оставалось на пленке, хотя Вероника обещала себе стереть его. От всего остального она избавилась: от его одежды, зубной щетки, бритвы. От записочек, которые он оставлял на кухонном столе, и мелких подарков, которые он покупал ей в поездках. Все это она сожгла на площадке для барбекю, обнаруженной в часе езды к югу. Поливала вещи горючей жидкостью, пока огонь не пожрал их. Уничтожила все следы того, что между ними когда-то было.

Вероника промотала пленку, послушала последнюю фразу.

– Хватит, Вероника. – Голос Леона был не злым, а каким-то покорным. – Прощу тебя. Хватит.

Глава 10

Лето 1983 года

Монсон дошел до точки. Он пытался придумать другие, *важные* дела. Но увы, тянуть с разговором дальше было невозможно. Они обыскали каждый луг, выгон, хлев, сарай, ручей, мергельную яму, дно реки и все дорожные трубы в радиусе пяти километров от Баккагордена. Некоторые даже не по одному разу. Его полицейские поговорили со всеми соседями Нильсонов, со всеми окрестными жителями, которые могли хоть что-то знать. И теперь Монсон понимал: ему придется поехать к Эббе и Магдалене и сказать им то, о чем и так уже знал весь поселок. Что полиция не нашла никаких следов их малыша. Только тот ботиночек на кукурузном поле.

Он встал и, приподняв жалюзи, выглянул на улицу. Репортажи в местных газетах в последние дни обрели новую силу. Обычно лето бывало скудным на новости, людям надоедало читать о загрязнении от подводных лодок. Правда, как по заказу, если можно так выразиться, запылал большой лесной пожар в Смоланде, и это позволило Монсону несколько дней работать спокойно. Монсон ничего не имел против журналистов, он как мог пытался отвечать на их вопросы, во всяком случае, в начале поисков. Но в последние дни репор-

теры из вечерних газет, кажется, пронюхали, что в расследовании наметился поворот. Они названивали соседям и родственникам Нильсонов в любое время суток и даже заявили незваными в Баккагорден с камерами и телеобъективами, так что Монсону пришлось поставить на подъездной дорожке Нильсонов полицейскую машину с рацией. Его бюджет на сверхурочную работу и так уже был превышен, а круглосуточное наблюдение вскоре сожрало остатки денег. В довершение ко всему журналисты принялись охотиться за ним самим, и Малин отключила домашний телефон. На какое-то время это помогло, но сегодня утром двое репортеров подкараулили его у служебного входа и не отставали, пока он не пообещал им устроить пресс-конференцию. Но сначала придется поговорить с Нильсонами, предупредить их о намечающемся шабаше.

Монсон осторожно глянул в дверное окошечко, убедился, что горизонт чист, и потрусил к синему «вольво».

Волна горячего воздуха окатила его, едва он открыл дверцу. Монсон не стал тратить время на проветривание, скользнул на водительское сиденье, завел мотор и сдал назад с такой скоростью, что покрышки взвизгнули на мягком асфальте. Руль обжигал руки, но Монсон не опускал окошко, пока не прибавил скорости.

Он включил радио, поколебался между «Радио Мальмёхус» и «Радио Кристианстад» – и там, и там пела Карола Хеггквист – и в конце концов остановился на P1. Передавали ре-

портаж о лесном пожаре в Смоланде.

– Мы делаем все возможное, – говорил в микрофон вымотанный командир пожарной команды. – Но иногда человеческих усилий оказывается недостаточно.

На подъезде к Баккагордену Монсон остановился и обменялся парой слов с дежурными из патрульной машины. С опозданием сообразил, что мог бы захватить что-нибудь для них – кофе в термосе, булочки, пару бутылок холодной колы. Что-то, что облегчило бы жару и скуку и показало бы, что он заботится о своих подчиненных. Однако Монсон ограничился коротким приветствием: пусть думают, что он слишком занят, чтобы отвлекаться.

Двери в гараж были открыты. Машина Эббе стояла в гараже, рядом с ней Монсон заметил брата и сестру Билли. Монсон вспомнил, как их зовут. Вера Нильсон, четырнадцать лет, и ее брат Маттиас, двумя годами старше. Вера училась в параллельном с его старшим сыном классе.

Когда Монсон вылез из служебного «вольво», девочка медленно пошла ему навстречу. Она заслонила глаза рукой и убрала ладонь, узнав Монсона. Вера похожа на мать, констатировал он. Высокая, худая, соломенные волосы и светлая веснушчатая кожа. Складка возле носа и рта, скорбная и решительная одновременно, и испытующий взгляд, который трудно понять.

– Здравствуй, Вера. Родители дома?

Девочка кивнула, жестом указала на дом.

– Вы что-нибудь нашли? – Голос был тонким, все еще детским.

Монсон покачал головой. Он принялся потирать шею, пытаясь отыскать правильные слова. Слова, которые прозвучали бы обнадеживающе и утешительно.

– Нет пока, – выдавил он наконец. Все же лучше, чем ничего. – Но мы делаем все, что в наших силах. – Монсон сообразил, что почти слово в слово повторил пожарного, которого слышал по радио.

Девочка молча смотрела на него.

– Как мама? Получше? – зашел Монсон с другого конца.

Вера пожала плечами. Взгляд обратился на открытые ворота гаража. Ее брат был еще там, сидел на корточках перед своим мопедом спиной к Монсону; мальчик казался чересчур занятым, чтобы Монсон в это поверил.

Монсон чуть наклонился к девочке, скупой улыбнулся и понизил голос.

– Мопед налаживает, да?

В глазах Веры появилось напряженное выражение, и она вдруг сделалась почти испуганной. Монсон поднял руку – он не хотел ее волновать.

– Ничего страшного, это останется между нами. Человеку нужны маленькие тайны, правда? – Он подмигнул Вере. – Кстати, хочешь узнать мою?

Вера пару секунд смотрела на него. Немного успокоилась, криво улыбнулась и кивнула.

– Я таскаю сахар, в таких маленьких пакетиках, из ресторанов. В участке у меня их полный ящик. На самом деле они мне не нужны, но я просто не могу удержаться.

Улыбка Веры стала шире, девочка фыркнула. Монсон улыбнулся ей, словно они приятели, которые поверяют друг другу секреты.

– Маттиас хотел на шестнадцать лет легкий мотоцикл. Он сам на него накопил, но мама не разрешила. Поэтому он раздобыл себе мопед.

– Вот как. Ну, скажи ему, чтобы ездил осторожнее. – Монсон вдруг кое-что понял. – В вечер, когда пропал Билли, вы с Маттиасом пришли домой вместе. Ты сказала, что приехала на велосипеде?.. – Он вопросительно поднял брови.

– Так получилось, – ответила Вера не раздумывая. – Маттиас ехал на мопеде, я держала его за рукав. Обычно я отцепляюсь на аллее, а он едет дальше один, чтобы отец с матерью не узнали. Я знаю, что так нельзя. Но вы же ничего им не скажете?

– Конечно, нет. – Монсон снова улыбнулся. В Вере Нильсон было что-то особенное. Она изображала небрежность и равнодушие, но он был совершенно уверен, что не многое могло бы укрыться от ее внимания.

– Что было, когда вы вернулись домой? Вы поставили велосипед и мопед вон там... – Он указал на ворота гаража.

Вера кивнула.

– Отец выбежал с большим карманным фонариком, ска-

зал, что они с матерью не могут найти Билли. Попросил нас обыскать все постройки. Мы иногда играли в прятки с братиком.

– И вы стали искать там, где он обычно прятался?

Вера снова кивнула.

– И в тележном сарае, и в коровнике, и на гумне. Искали как следует, не торопясь, как отец сказал. Маттиас даже отпер дверь в старую доильню, хотя Билли там точно быть не могло. – Девочка внезапно замолчала, почти дрожа. Словно воспоминание о доильне причинило ей боль.

– Но вы его не нашли, – заключил Монсон.

– Да.

– А потом?

– Потом приехала первая полицейская машина.

– Ты помнишь, во сколько?

– Неточно. – Вера покачала головой. – Мы с Маттиасом вернулись ровно в половине десятого, как обещали, так что в любом случае это было уже после половины десятого.

– Вот как.

Все это Монсон и так знал. Первый патруль, который прибыл в Баккагорден в десять пятнадцать вечера, провел почти образцовый допрос Эббе Нильсона и детей. Но если Монсон хотел получить то, ради чего приехал, форсировать разговор не стоило.

– Когда вы ехали домой, вы с братом... – Монсон помялся, раздумывая, как продолжить. – Вы никого не встретили?

– Какую-нибудь машину?

– Машину, велосипед, мопед. Может, кто-то гулял с собакой?

Вера как будто задумалась.

– Мы видели пару машин. Одна – синий «сааб» Линдгрена, это точно. – Она наморщила лоб. – Вторая – вроде бы красная. Не помню, я... Ну, вы понимаете... – И она снова криво улыбнулась и показала рукой, как держалась за плечо брата.

Монсон ответил на ее улыбку.

– Больше ничего не помнишь?

– Нет. – Вера испытующе смотрела на него. Будто пыталась понять, куда ведут эти вопросы. – Почему вы об этом спрашиваете?

Монсон уже почти собрался ответить, когда заметил Эббе Нильсона – тот спустился с крыльца и быстро шел к нему. Слышал ли Эббе их разговор?

– Вера, вы с Маттиасом не поможете накрыть к ужину?

Девочка кивнула; в последний раз встревоженно глянув на Монсона, она убежала к брату.

Монсон пожал руку Эббе, ожидая, что тот пригласит его в дом. Но Нильсон просто стоял перед ним. Он выглядел еще хуже, чем в ночь, когда пропал Билли. Глаза в красных окружьях ввалились. Лицо одновременно бледное и загорелое. Клетчатая рубашка висит на опущенных плечах, штаны испачканы землей, словно он только что молился на коленях,

просил господ о помощи. Монсон знал, что Нильсоны, как многие в округе, по воскресеньям ходят в церковь. Самому ему удалось привести туда Малин и мальчиков один-единственный раз, когда он пытался вписаться в сельскую общину. Потом все сошло на нет. Малин, с которой обычно бывало легко договориться, привыкла чтить день отдыха в халате и с большой чашкой чая – так она мужу и сказала. Вот почему его семья посещала церковь только на Рождество и Пасху. Но Монсона это не особенно заботило – он не был религиозным. Человеческие деяния занимали его куда больше, чем неисповедимые пути господни.

Однако Монсон мог без труда представить себе, как Эббе Нильсон опускается на колени, складывает руки, обращает взгляд к небесам и просит за своего маленького мальчика. Наверное, он делал бы то же самое, окажись он на месте Эббе.

Монсон кашлянул, пытаясь сосредоточиться. Он уже заготовил речь и, пока ехал, успел несколько раз отрепетировать ее.

– Завтра, – начал он, – я созываю пресс-конференцию. Точнее, главный полицейский лена считает ее необходимой. Чертовы репортеры...

Он махнул рукой и слегка растянул рот в улыбке, однако ожидаемой поддержки не получил.

– Так или иначе... – Он сглотнул. – Я буду говорить, что мы пока сворачиваем поиски. Будем проверять другие вер-

сии.

– И какие же? – Голос Нильсона оказался мягче, чем он ожидал, и все же в нем ощущалось жало резкости.

Монсон отвел глаза. Оказывается, девочка с братом так и стояли в открытых воротах, наблюдали за ним. Слышали ли они его слова?

– Может, поговорим там? – Монсон махнул рукой в сторону дома. – Магдалене тоже стоило бы знать...

Эббе медленно покачал головой.

– Она отдыхает. Утром снова был врач.

– Понимаю, – сказал Монсон. Это объясняло, почему Эббе не пригласил его войти. Монсон слышал, что Магдалена Нильсон заперлась в спальне. Что она даже с кровати не может встать без посторонней помощи. Очевидно, это были не просто слухи.

Он снова сглотнул, сосредоточился. Бросил короткий взгляд на обоих детей, после чего произнес слова, которых хотел бы избежать больше всего на свете.

– В последние дни мы начали прорабатывать версию о том, что произошло нечто другое. Что Билли не заблудился, а его похитили. Кто-то, кто желал ему или вам зла.

Глава 11

На этот раз Исак не опоздал. Но пришел впрытик, так что пропустил и кофе с булочками, и разговоры о погоде. В понедельник он не появился, и Вероника с нетерпением ждала его всю рабочую неделю. Помечала дни, пыталась сосредоточиться на остальной группе. Судя по физиономии Рууда – с переменным успехом.

Завсегдатаи пятничной группы уже уселись в кружок – все, кроме Ларса. Рууд звонил ему, объяснил, что пустит его обратно не раньше чем через месяц. Ларс воспринял новость не сказать, чтобы хорошо. Обвинял в случившемся Веронику, причем в таких выражениях, что Рууд отказался их повторить.

Исак уселся на тот же стул, что и в прошлый раз, приветливо кивнул ей. Глаза были синее, чем ей запомнилось. Он улыбался, и Вероника заметила, что улыбается в ответ.

– Добро пожаловать, – сказала она, мелко дыша.

– Спасибо.

Исак продолжал смотреть на нее, подавшись вперед. Он уже собрался что-то сказать, но тут словно из ниоткуда вынырнул Рууд и поставил свой стул рядом с ней.

– Вот, решил посидеть сегодня с вами. Все в порядке, – не столько спросил, сколько констатировал Рууд.

– Конечно. – Она снова повернулась к Исаку, но тот вы-

прямил спину и отвернулся. *Черт, черт!* Вероника постаралась скрыть раздражение от Рууда.

Сеанс проходил хорошо, во всяком случае внешне. Участники говорили о своем горе; время от времени, если человеку требовалась помощь, Вероника задавала вопросы. Ручка, как прежде, шуршала по страницам блокнота, но она перестала быть эффективным орудием. Она больше не впитывала горе и боль, а только скакала по странице, и привычный кайф от услышанных рассказов не приходил.

Разочарование нарастало; Вероника поймала себя на желании, чтобы другие участники поскорее отговорили свое и она передала бы слово Исаку. Из-за Рууда приходилось следовать рутине, сдерживать себя, позволять другим выговориться до конца. Лейф, бизнесмен лет пятидесяти, потерявший всю семью в автокатастрофе, отнял слишком много времени. Пока он плакал и шмыгал носом, драгоценные минуты уходили, и когда Вероника произносила слова поддержки, ей пришлось сильно постараться, чтобы в голосе не прозвучало нетерпения.

Когда наконец настала очередь Исака, стрелке стенных часов оставалось щелкнуть всего несколько раз. Вероника быстро нашла чистую страницу в блокноте, чувствуя, как дрожат руки.

– Здравствуйте, меня зовут Исак. – Как и в прошлый раз, Исак не назвал своей фамилии. – В детстве я потерял лучшего друга. Он пропал без вести, а я так и не узнал, что с

ним случилось. С тех пор я много думал о нем. Он до сих пор иногда снится мне.

Кажется, Исак выговорился до конца: он заозирался, ожидая обычных сочувствующих кивков.

– О чем эти сны? – Вероника постаралась, чтобы ее голос звучал нейтрально, хотя сердце в груди гулко билось о лед.

– О разном. – Исак пожал плечами, взглянул ей в глаза.

– Можешь привести пример?

Двусмысленный вопрос. Его вполне можно было истолковать как вопрос о чувствах, однако, как Вероника и надеялась, Исак понял ее неверно. Он стал выкладывать подробности, ей даже не пришлось задавать наводящие вопросы.

– Иногда мне снится, что мы играем в прятки у него в саду.

Его улыбка была улыбкой обращенного в себя человека; Исак смотрел в пол и в сторону, словно воспоминания плыли по серому ковровину, как по экрану.

– Сад очень большой, во всяком случае, мне так помнится. Заросший, почти лес. Я закрываю глаза и считаю до ста. Слышу, в какую сторону он бежит, как свистит ветер, как трещат ветки, когда он пробегает между кустов. – Исак замолчал, снова поднял глаза.

– А потом? – спросила Вероника. В горле пересохло, пульс царапал глотку. Рууд поглядел в ее сторону. Она перешла границу, но уже не могла остановиться.

– Вот я досчитал до ста, ищу, но не могу найти его, хотя

ищу везде, где мы обычно прячемся. В дупле вяза, в шалаше, который его брат с сестрой устроили на старом дереве, даже на сеновале. Потом я сдаюсь и начинаю звать его. Зову, зову...

Исак перевел дух. Тишина сгустилась, все взгляды были прикованы к нему. Ручка Вероники давно уже замерла, и на какой-то миг ей показалось, что следом за ручкой остановилось и ее сердце. Исак медленно открыл рот, словно собирался закричать, как во сне.

Минутная стрелка на часах громко щелкнула, возвестив: сессия окончена. Но Вероника этого не заметила. Исак пытался поймать ее взгляд. Его губы двигались, словно беззвучно произнося какое-то слово. Два тихих слога, таких знакомых. От которых по броне ее бдительности пошла трещина.

Бил-ли!

Вероника словно примерзла к месту. Она не могла ни заговорить, ни пошевелиться. Через несколько секунд на выручку ей пришел Рууд.

– Ну что же, спасибо за рассказ, Исак. На сегодня достаточно.

Заскрежетали стулья – участники группы вставали, но лишь когда Рууд положил руку ей на плечо и спросил, как она себя чувствует, оцепенение отпустило. Не отвечая Рууду, Вероника вскочила и на ватных ногах двинулась к двери.

– Вероника! – позвал Рууд, но ей было наплевать на него. Надо догнать Исака, надо узнать больше.

На ступеньках предвечернее солнце ослепило ее, заставило заслонить глаза рукой.

Кто-то проехал мимо. Мотоцикл взревел и скрылся в закатном свете.

Глава 12

Лето 1983 года

Началось все хорошо. Бритт, одна из его секретарш, забронировала под пресс-конференцию маленький актовый зал средней школы, где по пятницам иногда показывали кино. О своем желании присутствовать заявили четырнадцать репортеров и фотографов, но за час до начала пресс-конференции на разворотную площадку перед школой вдруг свернул автобус радиокompании. Техники выставили антенны и принялись носиться с проводами туда-сюда, бомбардируя школьного сторожа вопросами насчет трансформаторов и трехфазных соединений. По поселку загадочным образом распространилось лихорадочное возбуждение, и за полчаса до назначенного времени перед актовым залом уже выстроилась целая очередь.

Монсон не ожидал, что обитатели поселка настолько заинтересуются пресс-конференцией, а потому не отдал своим людям распоряжений кого-то не пускать. И вот теперь он стоял вовсе не перед двумя рядами стульев, занятых репортерами: перед ним волновался набитый под завязку актовый зал, желающие услышать его слова теснились даже в дверном проеме. В зальчике было, наверное, градусов тридцать, не меньше, и первые ручейки пота заструились у Монсона

между лопатками, еще когда он только выходил на небольшую сцену. Прожекторы под потолком светили в глаза, отчего трудно было различить людей, сидевших дальше первого ряда. Монсон мог рассмотреть только сосредоточенное, напряженное выражение на лицах.

Он откашлялся и глянул в свои записи. Неловкие чиновничьи слова, которые он разучивал перед зеркалом. Сверкнула фотовспышка, потом еще. Мужчина с большой телекамерой на плече сделал несколько шагов вперед.

– Как вам известно, прошло уже больше недели с тех пор, как пропал Билли Нильсон. – Монсон перевел дух. Полыхнула еще одна вспышка. – Мы провели масштабные розыскные работы, но в данный момент подобные вложения сил и времени уже не могут рассматриваться как обоснованные.

Он хотел не делать пауз, не ждать реакции публики. И все же остановился. По залу пронесся шум, перерос в ропот.

– Поэтому я принял решение прекратить поиски, – продолжил Монсон. – Однако следствие продолжает разрабатывать другие версии.

– Вы все еще считаете, что Билли мог заблудиться? – выкрикнул кто-то с первого ряда.

Монсон попытался рассмотреть спросившего, но его ослепили вспышки.

– Ну... Мы работаем непредвзято и не исключаем никаких сценариев.

Ропот перешел в гул.

– Как по-вашему, мальчика могли похитить? – выкрикнул другой журналист.

– Как я уже сказал... – Монсон почувствовал, что рубашка прилипает к спине. Он поднял руки, чтобы утихомирить публику. – Как я уже сказал, мы работаем непредвзя...

– У вас есть подозреваемый? – прервал его кто-то. Монсон заслонил глаза от света, пытаясь понять, кто задал вопрос. Очередной журналист?

– У н-нас...

– Разумеется, подозреваемый есть. Весь, мать его, поселок знает, кто это сделал! Вопрос только в том, почему Томми Роот до сих пор на свободе.

Монсон моментально узнал этот голос. Харальд Аронсон. Он не успел ответить: шум все нарастал, люди кричали, соглашаясь с Аронсоном. Кое-кто из журналистов встал и протиснулся поближе к сцене, чтобы было лучше слышно.

Монсон снова поднял руки, прося людей сесть, чтобы он мог отвечать на вопросы по одному. Напрасно. Его, кажется, никто уже не слушал. Люди выкрикивали вопросы, вопросы перемежались утверждениями.

– Так у вас нет подозреваемого?

– Арестуйте этого дьявола, Монсон!

– Какую гипотезу вы сейчас разрабатываете?

– Рооту доверять нельзя! Скользкий черт!

– Идет ли речь о шантаже?

– Мы боимся выпускать детей на улицу, пока он на сво-

боде!

– Считаете ли вы, что Билли еще жив?

Монсон понял, что потерял контроль над ситуацией, и счел за лучшее прекратить пресс-конференцию.

– Вот дерьмо, – бурчал он себе под нос, покидая сцену под прикрытием своего самого надежного полицейского. – Вот же чертово дерьмище!

Глава 13

Вероника не была хорошей дочерью. И хорошей сестрой не была. Домашний телефон Маттиаса она помнила настолько плохо, что, собираясь позвонить брату, всякий раз перелистывала затрепанную записную книжку, чтобы уточнить номер.

В год, когда пропал Билли и умерла мама, ей исполнилось четырнадцать, а Маттиасу – шестнадцать. Они росли в районе, который Маттиас когда-то окрестил Страной теней. Веронике нравилось это выражение, она вертела его так и сяк. Лишь много лет спустя она поняла, что брат, должно быть, услышал его в каком-то фильме.

Страна теней огромна, но ее редко показывают в новостях, если только там не произошло что-нибудь ужасное. В остальное время она прячется за названием станции, которое со свистом проносится мимо окон поезда, или ответвлением дороги, на которое никто никогда не сворачивает. Полужнакомые места из тех, что минуешь, спеша попасть куда-нибудь еще.

В Стране теней бывают люди двух типов, говорил Маттиас. Те, кто уезжает, и те, кто остается. Они с Вероникой уедут при первой возможности.

В восемнадцать лет Маттиас поступил в Полицейскую школу в Стокгольме, оказавшись одним из самых младших

на своем курсе. И на долгих два года оставил Веронику в большом доме один на один с отцом и пустыми комнатами. Она злилась на брата. Но все же с нетерпением ждала его приездов домой на выходные. Ждала его рассказов о квартире в Стокгольме, где они будут жить вместе, о вещах, которые станут делать вместе. Она считала дни до его выпуска, отмечала их в блокноте, как заключенный отмечает дни до освобождения.

– ДаслушаюСесилияНильсон!

Голос в телефонной трубке походил на возглас радости. Сесилия, невестка Вероники. Первая и единственная девушка Маттиаса. Несмотря ни на что, Сесилии удалось сохранить их отношения, когда брат переехал. Она быстро сообщала, ничего не требовала, предоставляла постель и объятия, когда ему того хотелось. А Маттиас оказался достаточно глуп, чтобы хотеть.

Когда в блокноте оставалось зачеркнуть всего пять дней, Вероника, стоя на ступенях церкви, бросала рисовые зерна на мундир Маттиаса и платье Сесилии, наводившее на мысли о торте. Блестящая белая ткань на слегка округлившемся животе. Маттиас быстро получил место в полицейском участке поселка, а дядя Харальд подарил ему на свадьбу домик в ряду типовой застройки. Свадебная фотография лежала где-то на дне коробки, стоявшей в чулане, но Веронике не нужно было доставать ее, чтобы вспомнить: выражение лица у Маттиаса на ней было таким же, как на старой семейной

фотографии. Потому что Маттиас – послушный мальчик.

Через неделю Вероника собрала сумку, и все осталось у нее за спиной. Страна теней, мама, папа, Билли. И Маттиас.

– Здравствуй, это Вероника. – Запах алкоголя ударил в телефонную трубку.

Молчание на пару секунд затянулось.

– Вера, – пояснила Вероника.

– А-а-а, здравствуй! Я тебя не узнала.

Вранье, конечно. Невестка в своей пассивно-агрессивной манере дала понять, что их речь теперь звучит по-разному. Это тоже было частью игры, как и то, что Сесилия вынудила Веронику представиться именем, которым сама Вероника не называла себя больше пятнадцати лет.

– Маттиас дома? – спросила Вероника, пока невестка не завела предсказуемые речи о том, что Вероника долго не звонила (правда) и что девочки так скучают по своей тете (чистой воды вранье).

Сесилия глубоко вздохнула, явно раздраженная тем, что ее опередили.

– Сверхурочная работа. Большое расследование, вместе с городской полицией. Франсен доверил Маттиасу почти все. Он в следующем году уходит.

– Маттиас? – Вероника тут же сама поняла, что ошиблась. Все из-за алкоголя и гормонов стресса, водивших хоровод у нее в мозгах.

– Нет. Франсен, конечно. Ранняя пенсия. – Сесилия

усмехнулась, довольная, что вернула себе преимущество. – Маттиас займет его место, станет самым молодым начальником местного полицейского участка. Во всей Швеции!

– Здорово, – пробормотала Вероника. – Ты не знаешь, как с ним связаться? Мне надо поговорить с ним, это срочно.

– Ты не пробовала звонить по мобильному? Или у тебя нет номера брата? – Сесилия, естественно, знала ответ на вопрос еще до того, как задала его. Один-ноль в пользу надежной, ответственной жены.

– Нет. Я была бы признательна, если бы ты мне его продиктовала. – Веронике пришлось проглотить горькую пилюлю.

Маттиас ответил после третьего гудка. Вероника удивилась, услышав жесткий взрослый голос. Брат, однако, все же смягчился, поняв, кто звонит. – Привет, Вера. Я не знал, что у тебя есть этот номер. – Кажется, Маттиас был рад ее звонку. Хотя бы немного. – Сесилия дала. Я не помешала? – Мы сейчас как раз ведем наблюдение. Думаю, что до полуночи ничего не случится. Как дела? Давненько не виделись. – Хорошо. – Вероника сама услышала фальшь в своем голосе. Брат тоже. – Что-то случилось?

Вероника глубоко вдохнула, собралась. – Ты помнишь Исаака Шёлина? – Кого?

– Закадычного приятеля Билли... – От имени младшего брата лед в груди, как всегда, пошел трещинами.

– Смутно. А что?

– Мне кажется, я недавно его видела.

– Как это? – В голос брата вернулись полицейские нотки.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но он пришел в мою группу. Проживание горя.

– А откуда ты знаешь, что это именно тот Исак Шёлин?

– Я этого и не знаю. Но учитывая, что он рассказывал... кем еще он может быть?

Несколько секунд они молчали. Потом голос Маттиаса зазвучал так, будто брат поднес телефон ближе ко рту.

– Что он говорил?

– Что в детстве потерял своего лучшего друга. Что друг пропал без вести, а потом жизнь так и не вошла в колею. Рассказывал про наш сад, про дуплистый вяз, шалаш на дереве, сарай. – Пытаясь остановить поток слов, она отпила из бокала и отвела трубку подальше, чтобы Маттиас не услышал, как она глотает.

– Он упоминал про Билли? Говорил, что речь о нем?

– Не напрямую.

– В каком смысле? – Вопрос последовал так быстро, что Вероника не успела собраться с мыслями.

– Другой участник спросил, говорит ли он про Билли, но Исак не сказал ни да, ни нет.

– Значит, ты не уверена?

– Не уверена в чем? – Мозг снова напряженно работал.

– Что это был Исак Шёлин. И что речь действительно шла

о Билли.

Вероника не ответила. Ее брат-полицейский всегда неумолимо разоблачал нестыковки в рассказах. Даже то произнесенное слово, которое померещилось ей на губах Исака, ничего не изменит, так что она не стала о нем упоминать. Вероника знала, что скажет Маттиас. *Догадка – не доказательство. Предположение – не то же, что факты.*

Однако вместо сухой полицейской констатации последовал новый вопрос. Вопрос, который сбил ее с толку. Вопрос, который она не успела себе задать.

– Думаешь, он знает, кто ты?

Вероника помолчала – ей пришлось задуматься.

– Понятия не имею. Откуда бы? Я сменила имя, никто в поселке не знает, ни где я живу, ни где я работаю.

Даже моя собственная семья, прибавила она про себя.

Маттиас хмыкнул, и она поняла, о чем он подумал. Полицейские не верят в случайные совпадения.

– Как он выглядел? – спросил Маттиас.

– Светлые волосы, средней длины. Голубые глаза.

– А возраст?

– Около двадцати пяти, как... – Она запнулась на полуслове, и Маттиас закончил за нее:

– Как было бы Билли.

Несколько секунд они молчали. Вероника слышала, как брат поерзал на сиденье, потом затрещала рация.

– Мне пора, – сказал Маттиас. Сказал сердито, словно ему

хотелось бы продолжить разговор. – Шёлины давно переехали, но я узнаю, куда.

– Спасибо.

Где-то рядом с Маттиасом снова затрещала рация. Открылась дверца машины, послышался женский шепот.

– Мне пора, – повторил Маттиас. – Держись подальше от этого Исака, пока я не выясню, кто он такой и что ему надо. Вдруг это журналист, который хочет втереться к тебе в доверие, а то и хуже – какой-нибудь псих. Почти двадцать лет прошло. На годовщины люди иногда начинают куролесить.

– Ладно.

– Хорошо. Береги себя, Вера. Я наведу справки и позволю тебе, как только что-нибудь узнаю. Как здорово, что ты позвонила.

Разговор вдруг прервался, так что Веронике не пришлось придумывать подходящий ответ.

Она вернула телефон на базу. Подойдя к окну, допила вино. Взгляд упал на место, где в тот вечер стоял курильщик. Огонька сигареты не видно. Странно; Вероника почувствовала себя немного обманутой.

Она уже собиралась опустить жалюзи, когда вдруг заметила, что что-то движется прямо под ее окном. Она даже не успела испугаться. Какой-то зверь осторожно вышел из тени, опустив нос к земле.

Сначала Вероника подумала, что это собака, но вот зверь оказался в конусе света от уличного фонаря. Остановился,

задрал морду к ее окну и склонил голову набок, словно смотрел прямо на нее.

Черный нос, белая грудь, рыжий мех.

Лиса.

Глава 14

Лето 1983 года

Монсон добрался до своего кирпичного дома на Альгатан лишь к десяти вечера. Вертушка-ороситель у болтливого соседа была включена, и Монсону показалось, что за аккуратно подстриженными кустами туи, возле гаражной дорожки, кто-то ходит. Монсон ускорил шаг.

Он оставался в участке, пока не завершился выпуск «Актуэлльт»; наконец кадры с провальной пресс-конференции показали в последний раз. Как Монсон и ожидал, полицмейстер лена позвонил уже через несколько минут. Погладил по шерсти: дал понять, что выделил своих следователей ему в помощь. Монсон вежливо поблагодарил. Сказал, что ждет не дождется сотрудничества с уголовной полицией лена и что, конечно, с благодарностью примет любую помощь, главное – распутать дело. Но он понимал, что все это значит в действительности. У него забирают дело Билли. Его дело.

Малин ждала его на кухне. Она приготовила горячие бутерброды – наверное, сунула их в духовку, как только услышала шум его машины. От аромата расплавившегося сыра, ананаса и ветчины заурчало в желудке, и Монсон вспомнил, что последний раз ел в обед. Он опустился на стул и отпил молока из стакана, который жена поставила возле его тарел-

ки.

– Мальчики спят?

Малин кивнула.

– Хотели дождаться тебя, но я сказала, что ты вернешься поздно. Юхан просил его разбудить, он собирался рассказать тебе о матче.

– Ага. Как все прошло? – Сказать по правде, Монсон понятия не имел, о каком матче речь. Он подозревал, что жена это понимает, просто подыгрывает ему.

– Два-ноль. Один гол забил он.

– Здорово. А Якуб?

Малин скривилась, и Монсон тут же все понял. Вздохнул.

– Опять?

– Он же молчит. Просто заперся у себя в комнате.

– Хм-м. – Монсон выпил еще молока. – И кто?

– Наверняка та же банда, что в прошлый раз. Оба парня Торгаша, Патрик Бринк и еще один.

– Давай я позвоню родителям? Сёрен же не дурак, Улле Бринк тоже. В общем и целом.

– Вряд ли поможет. Сейчас, во всяком случае.

– Может, и не поможет, – проворчал Монсон.

Дети всего лишь повторяют то, что говорят за обедом родители, подумал он. А родители говорят, что он и его коллеги не сумеют найти Билли. Что он не посмел арестовать единственного возможного преступника. Что он, Монсон, попросту боится Томми Роота.

Конечно, Монсон понимал, к кому тянутся ниточки. И Бринк, и Торгаш принадлежали к близкому кругу Аронсона. Если Монсон позвонит им и попросит призвать отпрысков к порядку, их мнение о нем только укрепитя.

Малин выдвинула стул и села рядом с мужем.

– Я видела тебя в «Сюднютт», – сказала она с той же интонацией, с какой утешала мальчиков, когда те были маленькими. – Как ты?

Монсон ощутил, как на его руку легла ее ладонь, и пробормотал что-то в стакан с молоком. Его первым порывом было ответить, что все в порядке. Все под контролем, пусть она за него не тревожится. Малин приняла бы такой ответ и не стала бы больше задавать вопросов. Только чуть печально склонила бы голову набок, как делала всегда, когда знала, что он врет. Так что Монсон не стал утруждать их обоих необходимостью играть спектакль и сменил тему.

– Нильсоны... – начал он. – Магдалена очень плоха, даже с постели не встает. Врач у них каждый день. От Эббе одна тень осталась. А брат с сестрой...

Монсон снова опустил глаза, повертел стакан, следя, как крутятся на дне остатки молока. Малин, ничего не говоря, обняла его за плечи.

Монсон покосился на жену. Они вместе уже почти двадцать пять лет, знают друг друга вдоль и поперек. За эти годы лицо у Малин округлилось, она сама чуть пополнела. Морщинки в уголках рта и между бровей обозначились резче, и,

если присмотреться, в волосах можно различить седые пряди. Она все больше становилась похожа на свою мать, чего Монсон, разумеется, не позволял себе замечать.

В эту минуту он любил жену, как никогда. Именно сейчас, когда она просто сидела здесь, молча держа его за руку.

Его вдруг переполнило чувство благодарности. Они с Малин сидели на кухне, а Юхан и Якуб спали наверху, в покое и безопасности. Монсон уже готов был рассказать жене обо всем. Рассказать о своем стыде – не из-за тех мер, которые он предпринял как шеф полицейского участка и руководитель розыскных мероприятий, а из-за того облегчения, которое испытывал при мысли, что не его маленького мальчика поглотила августовская ночь, не его семью утащило во тьму. Но не успел: таймер плиты возвестил, что ужин готов.

Монсон съел один за другим три горячих бутерброда, откусил от четвертого – и тут его настигла изжога с отрыжкой. Он прикрыл рот рукой. Желудочный сок горел в глотке; Монсон отложил нож и вилку и откинулся на спинку стула.

– Брат и сестра Нильсоны, – сказал он. – Ты ведь видишь их в школе?

– Да. – Малин поднялась, забрала у него тарелку и приборы. – Маттиас Нильсон весной перешел в девятый класс. Хороший воспитанный мальчик, не шумный.

– Дальше будет учиться в городе?

– Да. Двухгодичный курс, насколько я знаю. Мне кажется, он думает стать полицейским или, может быть, пожарным.

– А девочка? Вера?

Малин села рядом с ним, чуть заметно покачала головой.

– Профориентация у учеников начинается только в восьмом классе. Я, конечно, знаю Веру, вижу иногда в коридоре. Слышу, как отзываются о ней учителя.

– И как же они отзываются?

– Прилежная, хорошо учится. – Малин сразу заговорила уклончиво.

– Но? – Монсон знал жену не хуже, чем она его. Знал, когда пора задать уточняющий вопрос. Малин пожала плечами.

– С ней иногда трудновато.

– В каком смысле? – Монсон словно увидел девочку перед собой. Мосластые ноги, детский голос.

Малин выглянула в прихожую, словно опасаясь, что кто-нибудь из сыновей стоит там и слушает. Потом наклонилась к мужу.

– Она не по годам развитая. Мальчики, алкоголь. Подключили куратора, но это все, что мне известно.

Монсон кивнул. Ему вспомнились глаза Веры Нильсон. В них были ум, настороженность – и что-то еще. Какое-то беспокойство.

Моя любовь

Помнишь, как мы встретились? Мы взглянули друг на друга, и сразу пришло понимание: ты – для меня. Звучит,

может быть, смешно – как подростковая влюбленность. Но именно так я чувствую. Ты для меня все. Все!

Вчера мне был сон о тебе. Ты здесь, рядом со мной, в моих объятиях. Навеки. Но мне приходится довольствоваться лишь краткими моментами счастья. Так я живу сейчас. Я терпеливо жду тебя, потому что знаю: наше время скоро придет.

Глава 15

Мать не снилась ей очень давно. И вот сегодня тот же прежний сон. Субботним утром Вероника проснулась с туманом в голове и ощущением тяжести в теле. Она решила, что прогулка быстрым шагом вернет ее к жизни; к тому же можно поискать следы лисы, которую она видела накануне вечером. Однако следов не обнаружилось. *Потому что лисы хитрые. Знают, как двигаться, почти не оставляя следов.*

Когда они с Маттиасом были маленькие, дядя Харальд иногда рассказывал им сказки. По секрету, чтобы мама не услышала. Сказки эти были страшными, всегда про детей, которым пришлось несладко. Дети в них тонули, голодали или замерзали до смерти. Из-за этих сказок Вероника иногда просыпалась среди ночи от ужаса, в мокрой от пота рубашке. И все же они с Маттиасом не открывали маме причину ночных кошмаров. Они знали, что дядя Харальд не простит того, кто не сумел сохранить тайны.

Вероника прошла по тротуару до того места, где пару вечеров назад видела курильщика. Курильщик оказался не таким хитрым, как лиса – Вероника нашла в канаве окурки. Пять штук, все с красной короной, оттиснутой прямо над фильтром. Красные «Принс» – такие курила мама.

Она подумала о пачке сигарет под аккуратной, на манер Джеймса Дина, закатанным рукавом. Представила себе бе-

ло-красную пачку, потом – его дыхание с сильным запахом табака, отчего, к собственному удивлению, немного возбудилась. Вероника бросила окурков на землю и заспешила домой.

Когда она вошла, глаз телефона приветливо моргнул ей, и она успела с надеждой подумать, что это Леон. Но из автоответчика послышался голос Маттиаса.

– Я нашел Исака. Позвони мне.

Вероника стала набирать номер, и с каждой нажатой цифрой ее возбуждение росло.

– Привет, Вера. Подожди минуту.

Вероника услышала голоса на том конце, различила шаги, потом хлопнула дверь.

– Значит так, я нашел семью Шёлин. Как я и говорил, они переехали. Когда закрылась кирпичная фабрика, отец остался без работы, и семья перебралась в Кристианстад...

Не совладав с любопытством, Вероника перебила брата на середине фразы:

– А Исак?

– Уже два года штудировает архитектуру в Осло. Я добыл его номер, но там никто не отвечает. По словам матери, они редко говорят о Билли, но она помнит, как они обсуждали газетную статью об исчезновении, когда Исак прошлой весной приезжал домой. Статья его явно опечалила. – Значит, это может быть он? – Ее пульс еще больше участился. – Не исключено. На всякий случай я попросил фру Шёлин вы-

слать его фотографию по факсу. Фотография сейчас передо мной. – Как он выглядит? Блондин? – Факс черно-белый, и качество картинки оставляет желать лучшего, так что разобрать трудно. Во всяком случае, волосы светлые.

От разочарования Вероника прикусила губу. Потом ей кое-что пришло в голову. – Слушай, у нас на работе есть факс. Я поеду туда. Позвоню, когда доберусь.

Боги метро сегодня были благосклоннее, чем обычно, и через тридцать пять минут Вероника уже отперла дверь и отключила сигнализацию в Общественном центре. Зал, в котором встречалась группа, был пустым и выглядел еще печальнее.

Кабинет Рууда располагался в дальнем конце, хотя «кабинет» – слишком пышное слово для описания комнатушки без окон, где обитал Рууд. «Чулан» было бы значительно ближе к правде. Пол – четыре квадратных метра линолеума, на стенах – доски объявлений, увешанные списками, рисунками и буклетами разных семинаров и групп.

Вероника немного нервничала, входя в святая святых Рууда без разрешения. В чулане пахло Руудом. Табак, кофе и еще что-то, не поддающееся описанию.

На письменном столе главенствовали клавиатура и компьютерный монитор-тяжеловес, почти полностью скрытый под записками. На тумбе стоял факс; Вероника позвонила Маттиасу с телефона Рууда и продиктовала номер, вытисненный на пластиковом ярлычке возле кнопки факса. Потом

она принялась ждать, от нетерпения листая документы, припиленные на досках объявлений. Рууд, кажется, не сортировал бумаги – он просто прикалывал новые поверх старых, отчего доски казались коллажем, посвященным истории Общественного центра. Вероника дернулась, увидев в буклете собственное лицо. *Вероника Линд, когнитивный терапевт.* Фотографию сделали несколько лет назад, когда Веронику только приняли на работу. Мысль, что ее фотография напечатана в сотнях, а может быть, тысячах буклетов, оказалась на удивление неприятной. Или так отозвалось в ней воспоминание о Леоне и старом месте работы.

Внезапный звук заставил ее вздрогнуть. Факс ожил, и из него медленно потянулась широкая бумажная лента. Вероника нависла над аппаратом, почти затаив дыхание.

Маттиас был прав. Фотография оказалась мутной и уж точно не стала четче, пройдя через факс. Но одно по крайней мере было совершенно ясно и не менялось, сколько бы Вероника ни всматривалась в теплую бумагу.

Вероника выдохнула, тяжело села на стул Рууда и подтащила к себе телефон. Маттиас ответил после первого же гудка. Не стал утруждать себя приветствием.

– Ну?

Вероника в последний раз взглянула на изображение. У Исака Шёлина была совершенно обычная внешность. Волосы на косой пробор, слегка оттопыренные уши, застенчивый взгляд. Ни малейшего сходства с блондином из ее группы.

– Это не он.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Ну ладно. – Несколько секунд Маттиас молчал – кажется, обдумывал продолжение. – Сколько раз этот человек приходил к тебе на группу?

– Два. В последний раз – вчера.

– Он разговаривал с тобой напрямую? Задавал вопросы?

– Нет. – Качать головой было, конечно, глупо – Маттиас ее не видел. – Он уходил, как только встреча заканчивалась.

Вероника поразмыслила, не сказать ли про мотоцикл и окурки на улице. Когда-то она рассказывала Маттиасу все свои секреты. Как давно это было! А потом он остался, а она уехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.